

ТЭМСИН МЬЮИР

18+

ХАРРӨУ

ИЗ ДЕВЯТОГО
ДОМА

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ГИДЕОН ИЗ ДЕВЯТОГО ДОМА»

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Тэмсин Мьюир

Харроу из Девятого дома

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Мьюир Т.

Харроу из Девятого дома / Т. Мьюир — «Эксмо»,
2020 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-159342-1

Вся жизнь Харроу — головоломка, лабиринт, полный тайн, убийств и лжи. Она — последний некромант Девятого дома, была призвана Императором, чтобы вести войну, в которой не победить. Вместе с ненавистной соперницей Харроу должна стать ангелом нежити — но здоровье подводит ее, меч вызывает тошноту, и даже разум угрожает предать. Запечатанная в готическом мраке Митреума Императора с тремя злобными наставниками, преследуемая безумным призраком убитой планеты, Харроу должна ответить на два вопроса: пытается ли кто-то ее убить? И, если им это удастся, станет ли вселенная лучше? «Читать ХАРРОУ ИЗ ДЕВЯТОГО ДОМА — значит, войти в лабиринт, полный потерь и жертв. Но не беспокойтесь о хлебных крошках или красной путеводной нити — вам никогда не захочется из него выйти». — Аликс Э. Харроу «Роман — психологические ""американские горки"", охватывающие сорок миллиардов световых лет. Замечательно видеть, как расширяется вселенная Гидеон, оставаясь при этом такой же закрученной и полной костей, как и всегда». — Джанго Векслер «Безумно блестяще». — Кирстен Уайт «Терпеливый читатель будет десятикратно вознагражден блестящими оригинальными персонажами и магией, душераздирающей близостью, юмором и лучшим в галактике чертовски хорошим супом». — Ребекка Роанхорс «Восхитительно безумный, болезненный, душераздирающе искаженный и сознательно поломанный... Так красиво, дико, опасно и странно, что я не мог удержаться, чтобы не пролистывать страницу за страницей, шатаясь пьяным от крови в этом хаосе и ожидая, ожидая, ОЖИДАЯ увидеть, как Мьюир доведет все это до конца». — NPR «Невероятное путешествие в хаос разума, умножает на два все удивительно странные и мясные моменты, бодихоррор и жутковатый юмор ее дебюта — и превосходит его». — Library Journal «Эта темная, кровавая шкатулка-головоломка с продолжением сногшибательна».

— Publishers Weekly «Мьюир представляет серию загадок и упивается кровавыми подробностями, прежде чем привести все к захватывающей, беспроегрешной развязке, которая оставит читателей как удовлетворенными, так и скрежещающими зубами в ожидании финала». — Booklist

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-159342-1

© Мьюир Т., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Действующие лица	7
Пролог	8
Пародос	12
Акт первый	15
1	15
2	18
3	26
4	31
5	38
6	41
7	57
8	61
9	66
10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Тэмсин Мьюир

Харроу из Девятого дома

Tamsyn Muir
Harrow the Ninth

Copyright © 2020 by Tamsyn Muir

Cover Copyright © 2020 by Tommy Arnold

© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Изе Йап,
которая слишком хорошо
понимает Харроу
и без которой не было бы меня.
и
ниТ
◆*

Действующие лица

Император Девяти домов
«А. Л.», его страж
Августин из Первого дома
Альфред Квинк, его рыцарь
Первый святой на службе Царя Неумирающего
Мерсиморн из Первого дома
Кристабель Окт, ее рыцарь
Вторая святая на службе Царя Неумирающего
Оргус из Первого дома
Нирра Две, его рыцарь
Третий святой на службе Царя Неумирающего
Кассионея из Первого дома
Найджелла Шодан, ее рыцарь
Четвертая святая на службе Царя Неумирающего
Кир из Первого дома
Валанси Тринит, его рыцарь
Пятый святой на службе Царя Неумирающего
Улиес из Первого дома
Титания Тетра, его рыцарь
Шестой святой на службе Царя Неумирающего
Цитера из Первого дома
Лавдей Гентан, ее рыцарь
Седьмая святая на службе Царя Неумирающего
Анастасия из Первого дома
Самаэль Новенари, ее рыцарь
Ианта из Первого дома
Набериус Терн, ее рыцарь
Восьмая святая на службе Царя Неумирающего
Харрохак из Первого дома
xxxxxxxxx
Девятая святая на службе Царя Неумирающего

*Один – Императору, с честью несущему фатум великий.
Еще один – Ликторам, что явились по зову владыки.
Один – Святым, за давно предреченный удел.
Один – Десницам, за холод клинков, что в руках их запел.
Два – за железную волю и стойкий отказ от утех.
Три – за сияющий блеск самоцветов и радостный смех.
Четыре – за вечную верность движенью вперед.
И пять – за старых традиций увесистый свод.
Шесть – за горькую правду, дороже, чем сладкая ложь.
И семь – за миг красоты, что растает, лишь глазом моргнешь.
Восемь – за радость спасенья, какой бы его ни купили ценой,
А девять – за сонмы потерь и Гробницы суровый покой¹.*

¹ Перевод Юлии Назаровой.

Пролог

Ночь накануне убийства императора

Твоя комната давно погрузилась в почти полную тьму. Ничто не отвлекало от гулко бум-бум-бум, с которым тушки одна за другой шлепались о корпус, уже покрытый сплошной вязкой массой. Ничего не было видно, потому что ставни были опущены. Но ты чувствовала чудовищную вибрацию, слышала скрежет хитина о металл, жуткие удары пористых когтей по стали.

Было очень холодно. Тонкий слой изморози уже покрыл твои щеки, волосы и ресницы. В удушающей темноте твое дыхание походило на облачка влажного серого пара. Иногда ты тихонько вскрикивала, но это тебя больше не пугало. Ты знала реакции своего организма на сближение, крик был самой безобидной из них.

Из коммуникатора донесся размеренный голос бога:

– Десять минут до прорыва. Кондиционеры проработают еще полчаса, после этого начнется пекло. Двери останутся опущены до момента нормализации давления. Всем держать темп. Харроу, ты остаешься в резерве до самого конца.

Ты поднялась на ноги, тиская свои полупрозрачные юбки в обеих руках. Кое-как добралась до кнопки коммуникатора. Пытаясь придумать что-нибудь убийственно остроумное, проскрипела:

– Я могу сама о себе позаботиться!

– Харроухак, ты понадобишься нам в Реке. А там твоя некромантия не работает.

– Я ликтор, мой господин, – услышала ты свой собственный голос. – Я одна из твоих святых. Я твои персты и твои жесты. Если тебе нужна рука, которая прячется за дверью – даже сейчас, – выходит, я неверно тебя поняла.

Ты услышала, как он вздохнул в своем далеком святилище в Митреуме. Ты представила, как он сидит в потертом заплатанном кресле совсем один, потирая правый висок большим пальцем, как он всегда делал. После короткой паузы он сказал:

– Харроу, пожалуйста, не торопись умирать.

– Не стоит недооценивать меня, учитель, – сказала ты, – я всегда выживаю.

Ты прошла по концентрическим кругам молотых тазовых костей, которые выложила на полу, по тонкому слою бедренных костей, встала в центре и начала дышать. Глубокий вдох носом, выдох через рот, как тебя учили. Изморозь уже обратилась влажным туманом на лице и шее, под плащом становилось жарко. Ты села, скрестив ноги, и беспомощно положила руки на колени. Эфес рапиры ткнулся в бедро, как животное в поисках ласки, и во внезапном порыве гнева тебе захотелось отцепить чертову штуку и зашвырнуть как можно дальше. Жалко только, пролетела бы она совсем недалеко. Корпус вздрагивал – еще несколько сотен Вестников уселись на его поверхность. Ты представила, как они ползут друг по другу. В тени астероидов они кажутся синими, в свете ближайшей звезды – желтыми.

Двери твоих покоев открылись с натужным выдохом газовых рычагов. Но незваная гостья не заметила ни зубов, которые ты вставила в дверную раму, ни регенерирующей кости, вмазанной в порог. Она переступила этот порог, пританцовывая, высоко приподняв свои полупрозрачные юбки. В темноте ее рапира казалась черной, а кости правой руки светились маслянистым золотым блеском. Ты закрыла глаза, чтобы ее не видеть.

– Я могу защитить тебя, если ты попросишь, – сказала Ианта из Первого дома.

Холодная струйка пота побежала по твоим ребрам.

– Пусть лучше у меня все сухожилия вырвут из тела, одно за другим, и накрошат их на мои же переломанные кости. Пусть лучше меня живьем освежают и натрут солью, пусть мой собственный желудочный сок залиют мне в глаза.

– Ну, то есть ты имеешь в виду «может быть», – сказала Ианта. – Помоги мне. Не стесняйся.

– Не притворяйся, что ты здесь ради чего-то, кроме присмотра за инвестициями.

– Я пришла тебя предостеречь.

– Ты пришла предостеречь меня? – Твой голос показался ровным и безжизненным даже тебе самой: – Сейчас?

Девушка-ликтор приблизилась. Ты не открыла глаз. Странно было слышать, как под ее ногами хрустят тщательно выложенные кости, как она встает на колени прямо на мрачный ковер из костяного порошка, не меняясь в лице. Ты не чувствовала танергию Ианты, но темнота позволяла тебе настроиться на ее страх. Ты ощущала, как дыбом встают волоски на ее предплечьях, как бьется ее влажное человеческое сердце, как сближаются ее лопатки, когда она расправляет плечи. Ты чувствовала вонь пота и духов: мускус, роза, ветивер.

– Нонагесимус, никто не придет спасти тебя. Ни бог, ни Августин, никто. – Из ее голоса исчезла насмешка, но появилось что-то другое. Волнение, кажется, или тревога: – Тебя убьют в первые полчаса. Ты легкая жертва. Если в этих письмах нет чего-то, о чем я не знаю, у тебя закончились твои приемчики.

– Меня раньше никогда не убивали, и я пока не намереваюсь получить такой опыт.

– Для тебя все кончено, Нонагесимус. Конец игры.

Ты в шоке открыла глаза, когда девушка взяла твой подборок в руки – пальцы ее казались горячими по сравнению с холодом позолоты на запястье – и вдавила большой палец тебе в челюсть. На мгновение тебе показалось, что у тебя галлюцинация, но это ощущение сразу спугнула близость Ианты Тридентариус, стоящей перед тобой на коленях, в позе просителя. Ее светлые волосы спадали на лицо вуалью, а наглые глаза смотрели полумоляще, полупрезрительно. Глаза были синие, со светло-карими вспышками. Как агат.

Глядя в глаза рыцаря, которого она убила, ты поняла – не впервые и не по своей воле, – что Ианта Тридентариус красива.

– Просто передумай, – выдохнула она. – Харри, тебе больше ничего не надо делать. Я знаю, что случилось, и я знаю, как это исправить. Просто попроси меня. Попроси. Это так просто. Смерть для слабаков. Ты и я в полной силе... мы разорвем Зверя Воскрешения и уйдем невредимыми. Мы можем спасти галактику. Спасти императора. Пусть дома говорят об Ианте и Харрохак, пусть оплакивают их. Прошлое мертво, они обе мертвы, но мы-то с тобой живы.

– А что они такое? Еще один труп, который мы за собой тащим?

Потрескавшиеся губы Ианты были алы. Лицо ее выражало мольбу – и ничего больше. Значит, то было волнение, а не тревога. Ты поняла, что это самый лучший момент.

– Иди в задницу, – сказала ты.

Вестники продолжали биться о корпус, как дождевые капли. Лицо Ианты снова обратилось ледяной насмешливой маской, она отпустила твое лицо, убрала нервные пальцы и спрятала жуткие золотые кости.

– Не думала, что сейчас время для непристойностей, но поддержу. Придуши меня, детка.

– Отвали.

– Ты почему-то считаешь настойчивость добродетелью, – заметила она ни с того ни с сего. – Мне кажется, тебе лучше было умереть в доме Ханаанском.

– А тебе надо было убить сестру. Эти глаза не подходят к твоему лицу.

Из коммуникатора послышался голос императора, такой же спокойный, как и прежде:

– Четыре минуты до прорыва. – И дальше тоном учителя, говорящего с нерадивыми детьми: – Девочки, все на своих местах?

Ианта злобно отвернулась. Встала и провела человеческими пальцами по стене каюты – по холодной арке филигранной работы, по полированным металлическим панелям и костяным инкрустациям.

– Что ж, я попыталась, и теперь никто меня не осудит, – с этими словами она нырнула в арку. Ты услышала, как захлопнулась дверь, и осталась совсем одна.

Становилось все жарче. Станция, должно быть, уже совсем сварилась под копошащимся щитом надкрылий, жвал и антенн, мертвых предвестников голодного звездного мстителя. Коммуникатор трещал помехами, других звуков не было. В зачарованных коридорах Митреума стояла тишина, и жаркая влажная тишина поселилась и в твоей душе. Крича, ты кричала без звука, мышцы горла сокращались немо.

Ты вспомнила о залапанном конверте, адресованном тебе.

«Открыть в случае твоей неминуемой смерти».

– Они идут, – сказал император. – Простите меня. Обрушьте ад им на головы, дети.

Где-то далеко послышался треск и скрежет хитина и металла. Колени у тебя подогнулись, и ты рухнула бы на пол, если бы не сидела. Ладонями ты закрыла глаза и заставила себя замереть. Темнота стала еще чернее и холоднее, первый щит вечной кости окружил тебя – глупый поступок, бессмысленный, щит рассыплется в момент погружения. За ним появился второй, третий, и наконец ты оказалась в безвоздушном, непроницаемом коконе. Пять пар глаз в Митреуме, считая твою, закрылись одновременно. В отличие от остальных, ты глаза больше не откроешь. Через полчаса, независимо от надежд Учителя, ты будешь мертва. Ликторы Воскрешающего императора начали долгое схождение в Реку, где притаился Зверь Воскрешения – у самой орбиты Митреума, полуживой, полумертвый, омерзительная, кишачая паразитами масса. Ты шла вместе с ними, но твое уязвимое тело осталось позади.

– Молю, чтобы гробница оставалась замкнутой, – услышала ты свой придушенный шепот, который никак не становился громче. – Молю, чтобы камень никогда не откатали от входа, чтобы однажды погребенное вечно покоилось с миром, закрыв глаза и упокоив свою душу. Молю, чтобы оно жило... Тело из Запертой гробницы, – вдруг сорвалась ты. – Возлюбленная покойница, услышь свою рабыню. Я любила тебя всем своим жалким смертным сердцем, я любила тебя больше всего остального, позволь мне прожить достаточно долго, чтобы умереть у твоих ног.

Потом ты отправилась вниз, чтобы сотворить ад.

* * *

Ад выплюнул тебя обратно довольно скоро. Что ж, справедливо.

Ты очнулась не в танергетическом пространстве, где живут только мертвые и некромантические святые, которые сражаются с мертвыми. Ты оказалась в коридоре у своей каюты. Лежала на боку, умирая от жары, тяжело хватая ртом воздух. Ты насквозь промокла от пота – собственного – и крови – тоже собственной, твоя рапира воткнулась тебе в живот и торчала из спины. Рана не была сном или галлюцинацией, кровь была мокрой, а боль – невероятной. В глазах уже начинало чернеть, как ты ни пыталась закрыть рану, сшить внутренние органы, пережать вены, привести в порядок тело, скулившее о покое. Ты ушла уже слишком далеко. Даже если бы этого захотела, письмо о неминуемой смерти прочитать уже не удалось бы. Ты могла только задыхаться в луже собственной крови, будучи слишком сильной, чтобы умереть быстро, но слишком слабой, чтобы спасти саму себя. Ты стала ликтором только наполовину, а половина ликтора – хуже, чем вовсе не ликтор.

Снаружи шумные стрекочущие Вестники Зверя Воскрешения застилали звезды, яростно колотили крыльями, стремясь зажарить все внутри. Откуда-то издалека, кажется, послышался

звон мечей, и ты вздрагивала при каждом крике сталкивавшихся клинков. Ты ненавидела этот звук с рождения.

Ты приготовилась умереть с именем Запертой гробницы. Но твои дурацкие умирающие губы произнесли совсем другое слово, три слога, которые ты даже не поняла толком.

Пародос

Четырнадцать месяцев до убийства императора

В год несметный от Рождества Христова, в год десяти тысячный от явления Царя Неумирающего, нашего Воскресителя, полного жалости Первого, Преподобная дочь Харрохак Нонагесимус сидела на диване своей матери и смотрела, как читает ее рыцарь.

Она лениво ковыряла пальцем гниющий парчовый череп на ковре, беззаботно уничтожая долгие годы труда какого-то преданного отшельника. Челюсть уже поддалась.

Рыцарь сидел в жестком кресле очень прямо. Со времен его отца кресло не принимало никого сравнимых габаритов и сейчас сильно рисковало окончательно развалиться. Он старательно втиснул в кресло свое внушительное тело, как будто выход за его пределы мог привести к Несчастному случаю, а она очень хорошо знала, что Ортус ненавидел всякие случаи.

– Ни слуг, ни челяди, ни домочадцев, – прочитал Ортус Нигенад и подобострастно сложил лист. – Я буду служить вам в одиночку, госпожа моя Харрохак?

– Да, – сказала она, поклявшись терпеть как можно дольше.

– Ни маршала Крукса, ни капитана Агламены?

– Ни слуг, ни челяди, ни домочадцев! – сказала Харроу, теряя терпение. – Я верю, что ты способен разгадать этот сложнейший шифр. Только ты, первый рыцарь, и я, Преподобная дочь Девятого дома. Все. И это кажется мне... неприличным.

Ортус явно не находил это неприличным. Он опустил густые темные ресницы – Харрохак всегда думала, что они пошли бы какому-нибудь милому домашнему животному, например свинье. Он вечно смотрел в пол, и не от скромности: следы гусиных лапок, потоптавшихся у глаз, оставила грусть, тонкие морщины на лбу были следом трагедии. Она с удовольствием отметила, что кто-то – возможно, его мать, мерзопакостная сестра Глаурика – раскрасила ему лицо так же, как красился его отец, покрыв всю челюсть черным в честь Безротого черепа. Не то чтобы он испытывал особую любовь к Безротому черепу, которую предполагала священная краска. Просто любой череп с челюстью в его исполнении стал бы широченным белым черепом с депрессией.

Через мгновение он внезапно заявил:

– Госпожа, я не могу помочь вам стать ликтором.

Она ужасно удивилась тому, что он рискнул высказать собственное мнение.

– Очень может быть.

– Вы соглашаетесь со мной. Чудесно. Благодарю за милость. Я не могу выступить за вас в формальной дуэли, ни с длинным мечом, ни с коротким, ни с цепью. Я не могу стоять в ряду первых рыцарей и зваться равным им. Фальшь убьет меня. Я не могу начать верить в это. Я не смогу сражаться за вас, госпожа моя Харрохак.

– Ортус, – сказала она. – Я тебя всю свою жизнь знаю. Ты правда воображаешь, что я питаю иллюзии, будто тебя может спутать с мечником хотя бы дементная собака, ничего не знающая об оружии? В темноте?

– Госпожа, только в память об отце я смею звать себя рыцарем, – сказал Ортус. – Только из-за скудости моего Дома и ради гордости матери. Я не имею никаких рыцарских добродетелей.

– Не знаю уж, сколько раз тебе повторить, что мне это прекрасно известно, – ответила Харрохак, выковыривая из-под ногтя крошечный обрывок блестящей нитки. – Учитывая, что этому были посвящены сто процентов наших разговоров за минувшие годы, я могу только предположить, что ты пришел к каким-то новым выводам и заволновался.

Ортус наклонился вперед, сцепил длинные нервные пальцы. Руки у него были большие и мягкие, да весь Ортус был большой и мягкий, как пухлая черная подушка. Он протянул руки вперед молящим жестом. Она невольно заинтересовалась: он никогда еще не позволял себе столь многого.

– Госпожа, – рискнул Ортус, цепenea от застенчивости. – Я бы никогда не сказал такого, но если долг рыцаря – держать клинок, если долг рыцаря – защищать других этим клинком, если долг рыцаря – умереть от чужого клинка, вы когда-нибудь подумали бы про Ортуса Нигенада?

– Что?

– Госпожа, только в память об отце я смею звать себя рыцарем, – сказал Ортус. – Только из-за скудости моего Дома и ради гордости матери. Я не имею никаких рыцарских добродетелей.

– По-моему, мы об этом уже говорили, – сказала Харрохак, соединяя кончики пальцев и с интересом проверяя, как сильно можно растянуть дистальные фаланги. Одно неверное движение – и нервы треснут. Этому старому упражнению научили ее родители.

– Новость о том, что ты не посвятил всю свою жизнь боевым искусствам, с каждым разом удивляет меня все меньше. Но давай, удиви меня, попробуй. Я готова.

– Я хотел бы, чтобы наш Дом родил мечника, который более меня был бы достоин этих славных дней, – нараспев заявил Ортус, который вечно копался в альтернативной истории, если его не гнали на службу или не просили сделать что-нибудь, что ему казалось сложным. – Я хотел бы, чтобы наш Дом не оскудел бы до «тех, кто держит в ножнах клинки»...

Харрохак поздравила себя с тем, что не указала ему на причины этого оскудения. Их было ровно три: его мать, он сам и «Нониада», его незаконченная эпическая поэма о Матфии Нониусе. У нее было гнусное подозрение, что его последняя фраза, вокруг которой он явно произнес кавычки, была взята из этой самой поэмы, которая уже добралась до восемнадцатого тома и совершенно не собиралась замедляться. Даже наоборот, она разгонялась, как очень скучная лавина. Харроу сочиняла возражение, когда увидела, что в отцовскую библиотеку вошла сестра-прислужница. Харроу не услышала ее стука, но проблема была не в этом. А в том, что пепельно-серая краска на лице сестры изображала милое мертвое лицо Тела.

Ладони вмиг стали мокрыми. Вариантов было два: либо сестра была настоящей, а ее лицо – нет, либо сама сестра ненастоящая. Просто оценить всю костную массу в комнате и сделать подсчеты не получалось: кости в мясе дают столько обманчиво мягкой талергии, что только идиот бы стал пробовать. Она перевела взгляд на Ортуса в слабой надежде, что он тоже предаст ее так или иначе. Но он по-прежнему смотрел в пол.

– «Те, кто держат в ножнах клинки» хорошо служили нашему Дому, – сказала Харрохак ровным голосом. – Кстати, это хреновая строчка, так, на всякий случай. Никого не удивит, что ты – тормоз.

– Это октаметр, традиционная форма. Те, кто держат в ножнах клинки...

– Нету тут девяти метров или сколько там...

– ...Никогда не пуская их в ход.

– Следующие двенадцать недель будешь тренироваться с капитаном Агламеной, – сообщила Харрохак, потирая ладони одну об другую, пока пальцы не согрелись наконец. – Ты должен дотянуть до минимума, которого ожидают от Первого рыцаря Девятого дома. К счастью, сейчас от тебя ждут, чтобы в ширину ты был таким же, как в высоту, и мог поднять огромный вес. Но мне от тебя нужно... значительно больше, чем лезвие рапиры, Нигенад.

Сестра проскользнула на краю поля зрения Харроу. Ортус поднял голову и не узнал сестру, что все еще усложняло. Он смотрел на Харроу с непонятной жалостью, которая, как она подозревала, относилась к ней самой. С жалостью, которая делала его изгоем в собственном

Доме, и сделала бы его еще большим изгоем в Доме, откуда пришла его мать. Она не представляла, почему Ортус стал Ортусом. Эта тайна была слишком скучной.

– Что еще? – горько спросил он.

Харрохак закрыла глаза, отгораживаясь от печального трясущегося лица Ортуса и тени девочки с лицом Тела. Тень ничего не сказала. Физическое присутствие часто бывало ловушкой. Харроу мысленно отгородилась от новой ржавой рапиры, скрипевшей в ножнах на бедре Ортуса. От успокаивающего запаха пыли, которую нагревал гудящий обогреватель в углу. От запаха свежеразведенных чернил в чернильнице. Дубильная кислота, соли человеческого тела.

– Все вовсе не так, – сказала Тело.

Это вдруг придало Харроу сил.

– Тебе придется скрывать мою слабость, – сказала она. – Понимаешь, я безумна.

Акт первый

1

Девять месяцев до убийства императора

Где-то в несметном году от Рождества Господа нашего, далекого Царя некромантов, благословенного Воскресителя святых – ты впервые взяла в руки клинок. Это была твоя первая огромная ошибка.

Клинок ненавидел тебя. Длинная рукоять жгла голые руки, будто нагревалась до температуры звезд. Космический вакуум не давал никакой танергии и не генерировал талергии, но это не имело значения. Ты в них больше не нуждалась. Ты заморозила свои ладони, обмотала их толстыми полосами хрящей и попробовала снова.

Теперь рукоять стала холодной, как смерть, и такой же тяжелой. Ты подняла меч, локти хрустнули, ты схватилась за яблоко, чтобы удержать равновесие. Тебе нужен был новый фокус: узкая костяная лента выскочила из живого запястья, осторожно обогнула сухожилие сгибателя и воткнулась в тыльную сторону ладони. Ты не дрогнула. Ты никогда не делала ничего подобного. Потом ты вырастила длинные костяные пальцы, которые схватились за рукоять, и другие пальцы, которые схватились за нее еще раз, повыше. Ты подняла меч, если можно так выразиться, с помощью стучащей шуршащей корзины из восьми искусственных пальцев.

Теперь ты смогла кое-как приподнять меч перед собой под тупым углом. Подождала. Ты ничего не почувствовала: ни понимания, ни навыков, ни знаний. Ты оставалась просто некроманткой, а меч – просто мечом. Он выпал из руки и зазвенел, ударившись об пол, ты согнулась вдвое и заблевала больничный коридор. Рядом работало довольно много людей в форме, но они все привыкли к таким выходкам. Харрохак из Первого дома, девятая святая на службе Императора Неумирающего, могла блевать сколько ее душе угодно. Ты была живой святыней, пусть даже твоим первым вкладом в дело ликторов стал поиск новых способов блева. Они вмешивались, только если ты могла захлебнуться собственной рвотой. Эту помощь ты всегда ощущала позорной.

* * *

В первый раз, когда человек, которого ты называла богом, дал тебе меч – пребывая в ипостаси Князя Милосердного, несущего только добро, – ты впала в глубокий ступор, из которого так никогда и не вышла. Кажется, меч просто воплотил в себе твою горе, придав ему вид шести футов стали. Ты возненавидела этот трижды проклятый клинок с первого взгляда, что было несправедливо, поскольку он возненавидел тебя в ответ. Ты пыталась обуздать его, но безрезультатно. Каждое прикосновение заканчивалось тем, что содержимое твоего желудка украшало пол. Дни рассыпались, как пепел под вентилятором, разлетались в стороны без всякой надежды собрать их, летели тебе в лицо или ускользали прочь, не давая себя схватить. Иногда ты вставала и подбирала меч, как будто чего-то ожидая. Никогда ничего не происходило. Ты ничего не чувствовала, кроме невыносимой, громадной ненависти меча, которая была реальной даже тогда. Ваши с мечом горечь и ярость сливались, а потом ты оказывалась на полу в луже рвоты, с мозолями на руках.

Разные элементы жизни сходились под странными неуклюжими углами. Иногда ты оказывалась покрыта кровью, иногда на тебе была чужая одежда. Иногда что-то щекотало твои

уши или лоб и пугало тебя до смерти, пока ты не понимала, что это просто волосы. Вдали от дреббурских ножниц они росли почти непристойно быстро. Ты подрезала их сама, но все-таки противные пряди торчали за ушами – или, может, ты вовсе не стриглась? Иногда ты тянулась рукой к голове и вдруг понимала, что на тебе нет рясы, а лицо не раскрашено под череп. Никто не давал тебе краски, на всем корабле не было ни единого уголька, тем более должным образом благословленного. Осознав это в первый раз, горя от унижения и тоски, ты разорвала на полосы простыню и обмотала себе голову. Но большая часть лба все равно оставалась голой, если не считать волос. К тому же это была простыня! Ты настроилась на поэтический лад и принесла последнюю жертву черной весталки: растворила себе вены и, дрожа не от боли и не от потери крови, вслепую нарисовала на лице обрядовый череп Неизвестной маски.

Люди в форме были вечно заняты чем-то помимо тебя. Иногда тебя робко уговаривали сесть и снять импровизированную вуаль, чтобы съесть миску прозрачного супа, но эти воспоминания были смутными и фрагментарными. Ты не думала, что когда-нибудь сможешь есть снова. Иногда люди мельтешили вокруг, а ты лежала навзничь на своей койке и дрожала от ужаса перед скоплениями звезд за окном. Толстый плексигласовый барьер казался слишком легким и хрупким, чтобы защитить тебя. За ним скалился бесконечный черный космос, пугавший тебя до безумия. Временами ты засыпала и как-то просыпалась. Ты давно перестала слушать человеческие голоса, говорившие всякую хрень. Они молились на свой лад: «три тысячи единиц – готово, в списке припасов – это в мусор – зарядов хватает».

В прошлой жизни ты бы заинтересовалась. Но сейчас тебя преследовали другие звуки кроме тех, которые улавливало ухо. На борту корабля слышался глухой немзыкальный шум, похожий на шлепанье мокрых барабанов. Ты паниковала, пока не поняла, что это биение семисот восьми сердец, и не успокоилась. Гудение семисот восьми мозгов в спинномозговой жидкости. Не проверяя, ты знала, что триста четыре сердца принадлежат некромантам: миокард некромантов ощущался совсем по-другому, работал хуже, сокращался слабее. Ты чувствовала живых. Поняв, что именно ты слышишь, ты начала замечать все вокруг: пыль, лежащую на блестящие черные плитки пола, шум в своей легочной артерии, мягкость костного мозга, впитывающего кислород. И вся эта какофония не могла тебя разбудить.

Иногда ты обнаруживала, что стоишь, к горлу что-то подкатывает, а на полу лежит брошенный грязный меч. Ты не могла вспомнить, как вставала. Ты не могла вспомнить, как ты здесь очутилась. Иногда ты забывала, кто ты, а вспоминая это, плакала, как ребенок.

Во время этого бессмысленного убийства времени приходила Тело. Она клала прохладные мертвые ладони тебе на лоб и опускала воспаленные веки пальцами, чтобы ты не видела ни меча, ни людей.

Это была великая честь. Это была неслыханная милость. Теперь она постоянно приходила к тебе и была невероятно терпелива, и тебе делалось легко, и ты испытывала благодарность. Руки ее посерели в смерти, но оставались мягкими и казались такими знакомыми, будто ты в самом деле чувствовала их, как будто ласка покойницы становилась осязаемой. А когда она поворачивалась к тебе лицом, красота, не нарушенная даже дыханием, поражала тебя, как и всегда.

Потом она отводила тебя обратно в постель и укладывала спать. Ради нее ты старалась быть покорной хоть раз в своей непутевой жизни, пусть тебе и казалось, что это необязательно. Когда появлялась Тело, время шло, как ему следовало, а не таяло, как льдинки, снова появляющиеся в самых неожиданных местах. Мозг продолжал ныть, чтобы ты оставалась в сознании. Тот факт, что Тело пришла к тебе сейчас, казался невероятно важным. Если бы только ты могла очнуться и понять почему.

Лицо чесалось от засохшей крови, вокруг шептались люди.

Тысячи кило костей – старых – продолжайте, они кончатся первым делом. – Нет, сержант, ройте, мы уже выбились из графика.

* * *

Твой мир стал белым стерильным боксом. Лазаретом на борту «Эребуса». «Эребуса», флагмана Императора Неумирающего, корабля класса «Левиафан». За это знание ты цеплялась, как умирающий от удушья – за последний глоток воздуха. Ты жила в прохладной зале, лишенной цвета, уставленной коробками и голыми койками. У тебя были койка, стул и меч. Однажды меч у тебя попытались забрать – попытались, выдумав какую-то отговорку, – это воспоминание, алое, сырое и неясное, почему-то тревожило тебя. С тех пор никто не прикасался к двуручнику.

Он появлялся по всей палате, там, где ты его роняла, и обычно это падение сопровождалось таинственной вонью блевотины. Теперь ты спала рядом с ним, как будто он был огромным стальным младенцем. Честно говоря, ты бы предпочла забросить эту хрень прямо в горящее чрево Доминика, меч был тебе отвратителен, и ты чувствовала, что он мечтает причинить тебе вред. Но он не мог попасть в чужие руки.

Это все совершенно не помешало тебе затупить лезвие, исцарапать полировку и вообще облажаться по полной, хотя ты с трудом это осознавала. Ты ничего не знала о мечах, ты ни разу не удосужилась задать ни одного вопроса, ты их даже не различала толком. Бывали узкие клинки, бывали широкие. Маленькие и большие. Этот солдатский двуручник был огромен, странен и очевидно зловреден. И ты за него отвечала, хотя не могла даже прикоснуться к нему без заклинания.

Иногда ты опускалась на колени у койки и пыталась молиться. Тело была здесь, и некого стало благодарить, и просьб не осталось. Умиротворение ты находила, лежа в полусне, будто одурманенная, на койке, замедляя биение собственного сердца под ледяными белыми звездами, сходя с ума от ярости, о которой ты уже забыла, которая разъедала тебя изнутри. Люди приходили и уходили, тебе выделили самую широкую койку, на тебя никто не смотрел. В какой-то момент ты решила, что уже мертва. Эта мысль принесла только облегчение.

2

Бог стоял в дверях и говорил:

– Тебя снова стошнило, Харрохак.

Ты всегда старалась прийти в себя ради императора Девяти домов, который регулярно одаривал тебя своей милостью, стучал в твою дверь и ждал позволения войти, тем самым доказывая свою божественную природу. Теперь он стоял на пороге со своим вечным листком и вечным планшетом. За ним толпились люди в форме, но его невероятные глаза – нефть, разлитая на уголь, – были обращены на тебя.

– Ты теряешь мышечную массу, – сказал он, – а у тебя ее и было-то немного.

Твои губы выговорили с отрадной ясностью:

– Зачем ликтору меч? Господи, какая в нем польза? Я умею управлять костями. Я придаю форму плоти и пробуждаю души. Мне больше не нужна танергия извне. Зачем мне такая грубая штука?

– Рад слышать, что тебе лучше, – отозвался он. – Я не стану рассуждать с тобой о философии. Не после того, как тебя выворачивало наизнанку три часа.

А что, выворачивало?

– Я не чудовище. Иди прополощи рот. Я не против того, чтобы ты заполняла пустоту. Не делать этого очень расточительно.

Покачиваясь, ты восстала с койки, как призрак из могилы, и подошла к ближайшей раковине, где сдвинула загаженную вуаль и ожесточенно прополоскала рот средством от зубного налета. Вращавшиеся вокруг Императора спутники – раздраженные офицеры Когорты – загомонили, когда он сказал:

– Да, – затем сразу, – нет, – и, – новая обшивка не понадобится, «Эребус» станет транспортником.

– Мой милостивый господин, верная святая радости...

– Так и не научилась ждать, – отрезал бог. – Не забывайте коммуникаторы. Утром я ответил на целых три звонка.

– Но ее приказ был отменен...

– Приказ ликтора есть приказ бога, и к нему следует относиться с тем же почтением, какого мог бы ждать от вас я. Но не прямо сейчас. Поставьте последнего выпускника Трентхема на стелу и велите создавать помехи в эфире, если она продолжит.

– Господин?

– Выпустить воздух сквозь зубы, высоко подняв язык и двигая ладонью перед ртом. Звучит подозрительно, понимаю. Но она ни разу не догадалась, что я это делаю.

Ты плюнула в раковину. В зеркале маячила Тело, тихонько ждущая рядом с тобой. На ней была бирюзовая больничная рубашка, такая же, как на тебе, волосы подернулись инеем, прекрасные губы сжались в тонкую линию. За спиной у нее висел меч. Ты поймала в зеркале взгляд бога и на мгновение поверила, что он тоже ее видит, что он видит вас обеих. Но это оказался обман зрения.

– Харрохак, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Серьезные усталые лица офицеров дрогнули все разом. Один сказал очень тихо и медленно:

– Простите меня, милосердный князь, но позвольте донести до вашего сведения, что адмирал Мертвого моря и адмирал Бесконечного флота начали встречу... десять минут назад.

– Ни одна встреча не поднимет восемнадцать тысяч мертвецов, – отмахнулся император. – Мне нужно поговорить с Харрохак из Первого дома. Будьте так любезны зайти за мной в Старые покои через десять минут.

Атташе обмякли, как будто вдруг потеряли точку опоры, и удалились по коридору разве что не бегом. Ты испугалась, что, если оставишь меч, кто-нибудь сможет его забрать. Вместо того, чтобы поднять меч, ты легла рядом с ним, черно-блестящим на койке. Перекатилась на спину, прямо на широкий клинок, и закрепила ремни из плотной кости на спине, обвела вокруг клинка и рукояти. Сгибаясь под его весом, не прикрытая ничем, кроме рваной простыни, жалкая в своей бирюзовой наготе, ты шла рядом с императором по длинным черным коридорам, пытаешься понять, где ты находишься во времени и пространстве.

Ты осталась практически голой. Меч так тянул тебя вниз, что ты казалась еще и горбатой. Незвестная маска хлопьями спадала с тебя. Выглядела ты как полная debilка.

– Ну конечно, – бормотал бог себе под нос. – Как будто хоть одна встреча адмиралтейства в этом мире длилась всего двадцать минут.

– Что со мной происходит? – с трудом спросила ты.

– У тебя был шок, – сказал император, что, разумеется, не было ответом.

– Так бывает со всеми новыми ликторами?

– С некоторыми, – неопределенно ответил он, что не принесло тебе облегчения. Его планшет тихо запищал, император бросил на него короткий взгляд и сунул планшет в карман. – Как ты себя чувствуешь?

У тебя не было сил на переживания. Тебя атаковали ощущения семисот восьми сердечных мышц. Ты чувствовала присутствие каждого тела на борту, как чувствовала бы готовящуюся пищу: вкусный запах, потоки теплого насыщенного воздуха. Их танергия и талергия витали вокруг тел, как будто цвели на них, как будто свет играл на металле. И это было еще не все: напрягая все чувства, ты ощущала еще более глубокое спящее биение жизни и смерти, огромное количество примолкших сердец. Ты чувствовала мертвецов в корабельном морге: десять групп разрозненных покойников, подвергнутых шоковой заморозке, предотвращающей гниение талергии.

Спокойствие их танергии поражало: даже тела во льду не были такими тихими.

Ты поняла, что Тело перестала двигаться и что император молча ждет тебя.

– Я устала от процесса выздоровления, господи.

– Если бы я все сделал по-своему, это заняло бы месяцы, а не недели, – ответил он. – Я бы позволял тебе возвращаться понемногу, кусочек за кусочком, пока ты не почувствовала бы себя готовой и не проснулась бы. Я не смог. Я победил смерть, Харрохак. Хотел бы я оказаться умнее и подчинить себе время. Я вынужден просить тебя встать в строй быстрее, так что я хочу показать тебе нечто, что... сможет подстегнуть тебя, надеюсь.

От его такта, оттого, что он все понимал, тебе сразу стало легче. Это ощущение держало тебя на ногах во время поездки на лифте, хотя он плыл сквозь огромное чрево «Эребуса» несколько полных минут. Ты никогда не видела ничего настолько нового и свежего. Ты сосредоточилась на черно-серебряных прожилках на металлических панелях, на радужных вставках, на черепе над дверью: художник превратил его в череп Первого, аккуратно вставив чьи-то кости в центральный знак, вокруг которого собрались восемь покорных Домов. Череп твоего Дома казался тихим и простым по сравнению с остальными. Мягкие черные занавеси закрывали плексиглас, металл и старомодные отсветы светодиодов.

Двери открылись с легким шорохом, за ними оказалось гигантское гулкое пространство. Динамик над головой объявил:

– Бог-император решил почтить своим присутствием второй грузовой склад, – и ты увидела, как забежали люди. Случайно попавшие сюда офицеры Когорты в белых мундирах расступались, быстро кланялись, бросали все свои дела, чтобы оставить своего повелителя в одиночестве. Их шаги звучали как топот убегающих животных. Ты оказалась на стальном балконе, под которым стояли сотни и сотни продолговатых ящиков. Каждый был длиной в человеческий рост и высотой в половину роста. Стенки ящиков состояли из костей, таких головокруглительно

ровных и чистых, что ты не сразу осознала, что это такое, и долго переводила взгляд туда и сюда. Прохладный рециркулируемый воздух трепал полы рубашки и охлаждал ноги, но именно холод приводил тебя в чувство, а ты хотела осознавать происходящее. Белая кость блестела не так ярко, как металлические сплавы и пластизированные панели, покрывавшие стены отсека. Поверх костей была натянута мягкая прозрачная кожа, такая тонкая, что ты видела сквозь нее, а под кожей было...

– Обещанный подарок. Твой новый Дом, – сказал император.

Посмотрев на твое лицо, он осторожно предупредил:

– Чуть меньше пяти сотен, и только треть продемонстрировала способности к некромантии. То же будет и в следующем поколении. Всем от пятнадцати до сорока – я решил, что так проще всего.

– Господи, – сказала ты, совсем забыв, что этот самый господин стоит прямо здесь. – Древние мертвецы. Ты совершил воскрешение.

– Ну нет. Я никого не воскрешал по-настоящему уже десять тысяч лет. Но за это время... я многих откладывал из соображений безопасности. И мне было стыдно перед ними за то, что они служили мне просто страховкой. Они проспали все эти годы, Харроу, и мне станет гораздо легче, когда они пробудятся. Я запущу процесс пробуждения, прежде чем отправить их на Девятую.

Ты сняла тряпичную маску, чтобы обратить к императору все лицо. Тебе почти не было стыдно, что оно обнажено. В конце концов, он его уже видел раньше. Болезненная надежда росла в тебе, как пузырьки азота в крови ныряльщика, и ты забылась.

– Позволь мне пойти с ними, – попросила ты. – Ненадолго. Я только представлю их своему Дому, своему сенешалю и скажу...

– Потихише, Харрохак, – сказал он. – Нам нужно многое обсудить, а потом сможешь снова попросить меня об этом. Жаль, что у меня так мало времени на объяснения.

Ты сбежала по ледяным металлическим ступеням, прыгая через одну, чувствуя, как колотится сердце о серозный перикард, как металл царапает босые ноги. Подгоняемая болью, ты бродила меж рядов лежащих тел – своего спящего народа. Ты останавливалась над их колыбелями и смотрела сквозь мутную пленку кожи, покрытую тихонько пульсирующей сеткой вен, смотрела на каждое лицо по очереди. Ты пыталась запечатлеть их всех в памяти, но черты сливались в единое пятно, в море чужаков, ставших Девятым домом. Ты пошатнулась от благоговейного ужаса. Тело следовала за тобой, ровно в половине шага, держа холодную руку на твоей спине.

Император сохранял вежливое расстояние между собой и плодами своих трудов, пока вы с Телом заглядывали в каждый из гробов. Наконец ряды ящиков из костей и кожи уступили место своим более маленьким и ярким сородичам. Эти были вырезаны из белого камня, а не из костной материи, и вырезали их так недавно, что местами на стенках осталась каменная крошка. Форму они имели самую разную: шестигранные похоронные урны, предназначенные для похорон в глубинах, или компактные шестиугольники, какие обычно стоят в оссуариях. Их покрывали драпировки цветов всех Домов, кроме черного, – сегодня для твоего Дома не приготовили пустого гроба. А сбоку стоял еще один гроб, ничем не прикрытый. На нем лежала маленькая роза, молочно-белые лепестки которой уже облетали на камень.

Там лежали трупы, о которых ты уже знала. Каждый представлял собой резкий, тихий сгусток танергии без малейшего намека на талергию, на суетившиеся на коже бактерии. Они походили на статуи и были нетленны. Творение императора, скорее всего. Некоторые казались неправильными. Ты без всякого выражения посмотрела на шестигранную урну, задрапированную в багряный и белый цвета Второго дома: там не было человеческих останков. Единственный гроб, прикрытый роскошным золотом Третьего дома, тоже пустовал. Ты не смогла обнаружить тела в серых шестиугольниках, предназначенных для Шестого дома, хотя в одном из

них лежали какие-то жалкие ошметки и остатки, совсем не похожие на тело. По твоей нервной системе промелькнуло нечто, напоминающее эмоцию, но тут же умерло, к твоему огромному облегчению.

Ты знала, что Тело стоит чуть позади тебя, совсем рядом с императором. Ты сказала:

– Почему некоторых тел не хватает?

– Одна из сомнительных привилегий Первого дома, – ответил бог, – состоит в том, что нам редко приходится что-то объяснять.

– Рыцари...

– Слились со своими ликторами. Это не ложь... не совсем. Это упрощение ужасной... и священной правды.

Ты ничего не ответила.

– Мы прочесали дом Ханаанский частым гребнем, когда забирали тебя. Мы не нашли ни живых, ни останков, и какой конец ожидал тех, чьей судьбы мы не знаем – если этот конец вообще пришел, – тайна. Но эту тайну я планирую разгадать. До того времени я постановил считать их мертвыми. Возможно, это преждевременно, но я предпочту, чтобы Дома оплакали своих мертвых сейчас, Харрохак, и возрадовались потом.

Ты смотрела на ничем не прикрытый гроб с маленькой восковой розочкой. Ты вдруг поняла, какой именно древний, источенный раком труп заточен внутри. Твоя нервная система попыталась обработать слишком много эмоций за один раз – и отключилась окончательно. Тело подошла и повернула тебя лицом прочь от гроба, но не смогла уберечь внезапно всплывшие воспоминания.

– Она должна отправиться домой, Харроу, – тихо сказал император.

– Седьмой дом примет ее? – Ты не смотрела в его сторону.

– Он никогда не был ей домом. Я отправлю Цитеру спать с братьями и сестрами.

Ты пылала. Тебя трясло. Тело провела прохладными гладкими пальцами по твоей раскаленной щеке и заставила тебя перевести взгляд на ящики из кожи и костей, на мертвых, которые стали спящими и сделались частью древнейшего из известных тебе чудес. Часть твоей клятвы была исполнена. Ты бы испытала облегчение, но забыла, как это делается, чисто технически.

Теперь вы с богом стояли лицом к лицу. Ты рассматривала его без всякого стеснения: сияющая переливчатая радужка, глубокая чернота роговицы и зрачка, длинное, угловатое, вежливое лицо. На лбу и под глазами у бога лежали глубокие морщины. Брови были печально нахмурены, но остальное лицо казалось веселым, подвижным, человеческим. Холодные белые огни склада высвечивали лоснящиеся от долгого ношения участки на рубашке и превращали теплый коричневый оттенок его рук и лица в скучную охру. Если бы не знала, кто он, то сочла бы его совсем неприметным, но нельзя было посмотреть на него и не понять, кто он. Печать божественной жути лежала на нем.

– Ты можешь воскресить их, – сказала ты, уже не пытаясь оставлять мысли при себе, – только ты. Но ты не станешь этого делать. Почему?

– По той же причине, по которой я не делал этого последние десять тысяч лет. По той же причине, по какой я не могу вернуться к девяти Домам. Цена слишком высока.

Ты покачнулась. Или упала. Металлическая решетка впилась тебе в колени, оставляя красные следы на коже. Поднимающийся снизу воздух вонял антистатиком. Ты сказала в стену:

– Владыка, научи меня, как посчитать эту цену.

Бог помог тебе встать. Просто обхватил под мышками, совсем как человек, и дернул наверх. Неуклюже сжал твои ладони – быстрым странным движением, как будто хотел тебя успокоить, но не знал как. А потом убрал руки.

– Харроу, не нужно вставать передо мной на колени. Я не позволю тебе этого, пока ты не узнаешь, что имеешь в виду на самом деле. Мне больно смотреть, как ты кланяешься, хотя должна была бы ударить меня в лицо.

Ты вспыхнула и запротестовала:

– Господи...

– И прекрати звать меня господом. Ты не понимаешь этого слова, а я не хочу быть для тебя богом. Пока. Ты инвалид, а не последователь. Послушай меня, хотя бы на это ты способна? Я не хочу тебя торопить, Харрохак, но у нас совсем нет времени.

Это было невыносимо.

– Я все еще сохраняю некоторые из своих способностей, владыка.

– Что ж, остается только надеяться на это.

Ты вцепилась в гроб, в котором не было тела Коронабет Тридентариус, потому что твое прикосновение никак не навредило бы тяжелой плите. От меча болела спина. Князь Мило-сердный следил, как ты пытаешься встать, как горбятся твои плечи под весом стали, а потом сказал:

– Харроу, мы только что вышли из системы Доминика. Когда ты придешь в себя, мы отправим «Эребус» в Девятый дом, и он доставит то, о чем я говорил. Потом он отправится от Дома к Дому, чтобы вернуть им мертвецов. Но меня на борту не будет. Ты не обязана оставаться со мной. Или ты можешь остаться здесь как моя длань. Решать только тебе.

Ты попыталась вспомнить, что сказала, впервые проснувшись на борту «Эребуса», что сказала, впервые увидев своего Воскресителя. Но не смогла.

– Я выбрала...

– В неведении. Это не был выбор. Послушай-ка...

Он подошел к простому гробу, оперся о переборку. Положил на крышку гроба планшет. Коснулся ладонью гладкой поверхности рядом с маленькой розой.

– Харрохак, что происходит, когда кто-то умирает? – спросил император.

Детский вопрос. Ты должна была отвечать на него, не раздумывая, как другие люди дышат или ходят, и именно поэтому он показался тебе трудным. Простота была ловушкой. Ты цапнула ногтем голое бедро, сдавив капилляры под кожей, и ответила:

– Апопневматизм. Дух вырывают из тела. Происходит первоначальный всплеск танергии.

– Почему?

– Талергическое разложение приводит к смерти клеток, – осторожно сказала ты, сильнее ковыряя ногтем, – которая излучает танергию. Массовая смерть клеток, следующая за апопневматизмом, приводит к массивному изливу танергии, но всплеск затихает и поток стабилизируется в течение тридцати – шестидесяти секунд.

– А что случается с душой?

– В случае медленной смерти... от старости, болезни, некоторых иных причин... переход происходит просто и сам собой. Лиминальный осмос утягивает душу в Реку. Если возникает апопневматический шок, то есть если смерть была внезапной и жестокой, взрыв энергии может преодолеть осмотическое давление и на время изолировать душу. В этом случае мы получаем призрака и дух.

– А у кого есть душа?

Кажется, этот забег ты бы не выдержала. Вопросы становились то ли глупыми, то ли суемудрыми. Тело следила за тобой внимательным, чуть затуманенным взглядом.

– Любая сущность, обладающая достаточной талергической сложностью, имеет душу. Люди, короче говоря.

Император побарабанил пальцами по крышке гроба и сказал довольно тоскливо:

– А почему у нас нет бессмертной души? Я бы отдал все свои сотни лет за один день человеческой жизни, чтобы потом тоже подняться на небо...

– Что? – это застало тебя врасплох.

– Подумай сама, Харрохак. – Эти его слова напомнили кое-кого, и воспоминание оказалось неприятным. Ты немного изменила свой ноготь, заострив мертвую кератиновую пластину, и из ноги наконец полилась кровь. – Что еще обладает огромной и сложной массой талергии? Какова задача некроманта Когорты?

Твой мозг позорно поплыл, но все-таки в тебе осталось что-то от старой Харрохак. Достаточно, чтобы стоять здесь и задавать вопросы. Ты была очень благодарна этому дерзкому призраку себя, который поинтересовался: какова же задача некроманта Когорты? Может, лучше спросим, на фиг нужны в Когорте мечники? Чтобы поддерживать некроманта, обеспечивать смерть и танергию, необходимую для работы некромантической магии. На чужих планетах не бывает танергии. То есть слабые ее следы присутствуют, конечно, но в основном планеты талергичны по своей природе. Отправьте туда некромантку – и толку от нее почти не будет. Танергия возникает из...

Скорее Телу, чем ему, ты сказала:

– Планета – шар грязи. Талергия возникает при накоплении массы микроорганизмов. Их нельзя счесть единой системой.

– Назовем это общей душой, – сказал император. – Что такое человек, если не мешок микроорганизмов? Ты – адептка костяной магии. Маги плоти узнают об этой системе раньше вас. – Это было сказано с любовью и даже с юмором, но тебе немедленно захотелось выброситься в шлюз при мысли, что твоя школа чем-то уступает магам плоти. Тем, чье образование ограничивается мясом. Экспертам в области мягких трясущихся субстанций. Магам, полагающим, что в мышцах можно найти что-то интересное.

Он ошибочно принял твое глубочайшее, фанатичное отвращение за неверие и сказал:

– Попробуй просто принять как данность, что сейчас на планете существует единый огромный сгусток талергии. Если эта талергия совершит переход, что может случиться?

– Мы уже знаем, что случится, – сказала ты. Язык с трудом ворочался во рту, веки чесались и распухли, тебе очень хотелось их опустить. Первый прилив адреналина закончился. Тело подошла и взяла тебя за запястье, сомкнула вокруг него пальцы. Довольно крепко. Это позволило тебе сказать:

– Когорта готовит планету к появлению некромантов, если нам нужно ее захватить. Со временем, с появлением танергетического разложения, планета преобразается. Некромантия – естественное последствие этого. Ничего не происходит. Конечно, флора и фауна меняются, а в конце концов меняется и вся планета, и население необходимо с нее убрать, но это такой длительный процесс... он занимает поколения. Нельзя назвать это «что-то происходит».

– А теперь убьем всю планету разом, – предложил император, – что будет?

Ты посмотрела на него. Император Девяти домов поднял руки ладонями вверх, как будто вознес беспомощную молитву потолку складского отсека. Его нечеловеческие глаза были холодны и спокойны. Тебе было известно только об одной массовой смерти планет. Ты ответила.

– Ты имеешь в виду, владыка, что был там – при Воскрешении.

– Да. И я видел, как мгновенно преобразается талергия. Это разница между смертью от болезни и убийством. Шок, немедленный отрыв души. Представь, что душу безвременно вырывают из человеческого существа... а из планеты...

На ладонях вдруг выступил непрошенный пот. Струйка крови потекла по ноге, и ты остановила ее по дороге, высушив и сделав крошками на коже. Зарастила царапину. Теперь это уже не требовало усилий.

– Призрак, – сказала ты.

– Да, призрак, – ответил он. – Каждый чертов раз получается проклятый богом призрак. Прости за каламбур.

Ты представила, что увидишь Тело дышащей, ее грудь медленно и тихо вздымающейся. Император скрестил руки и посмотрел на склад. Лицо его освещал холодный электрический свет, идущий снизу, в глазах жила влажная тьма. Ты заметила, как он облизывает губы кончиком языка.

– Мы зовем их Зверями Воскрешения, – сказал он. Продолжить он смог не сразу. Вдруг показалось, что он рассказывает очень старую историю. – Когда система умирала... когда я был моложе, десять тысяч лет тому назад, и я вернул нас всех, отвел от края... все призраки разбежались к самым дальним краям вселенной, как души, бегущие от тела в первом слепом ужасе перехода. Я никогда больше не видел ничего подобного. Я видел тварей поменьше, младших Зверей, но ничто не способно сравниться с первой волной. Ничто.

Харрохак, эти призраки неумолимо рвутся сквозь вселенную, не останавливаясь... Они пожирают талергические планеты на своем пути, как вампиры. Они не остановятся, пока я и все девять Домов не будут мертвы. Они тысячи лет гонят меня прочь, и их почти невозможно победить.

Это очень мало тебя впечатлило. Рассказ обладал смутным и бессмысленным привкусом сказки.

– Ликторы умерли... сражаясь с этими тварями?

– Сражаясь? – переспросил бог. – Харроу, я потерял половину ликторов, когда они попытались хотя бы отвлечь тварей. Их немыслимо сложно уничтожить. Тех, кого мы убили, мы убили, потому что нам повезло, – они были молоды, а мы находились в расцвете сил, а потом... когда нас стало меньше... мы убивали их по чистой случайности или решаясь на самоубийство.

– И сколько таких призраков?

Ты подготовилась к астрономически огромному числу. Тело подняла брови, когда Император Неумирающий сказал:

– Трое. Было девятéro. Мы называли их по номерам. За десять тысяч лет мы сумели расправиться с пятью. Номер второй пал сразу после Воскрешения. Восьмой обошелся в бессмертную человеческую душу, и я до сих пор вижу этот день в кошмарах. Шестой умер, когда одна из моих Рук, Кир, утянул его в черную дыру, и шестому лучше бы оставаться мертвым, потому что Кир не вернется.

Не успела ты отреагировать – вскрикнуть или подвергнуть сомнению его расчеты, которые не выдерживали даже внимательного взгляда, – как он совершил нечто ужасное. Император девяти Домов оттолкнулся от простого гроба с розой и встал перед тобой, стоявшей у гроба Третьего дома. Ты увидела чудовищные глаза на человеческом лице, и он взял твои руки в свои. Погладил тебя по ладони, как ребенка, любимый зверек которого вдруг погиб. Лучше бы он оторвал твои ребра от позвоночника и помахал ими в воздухе. Лучше бы он сдал твою горло руками и сломал тебе шею. У тебя перед глазами что-то вспыхнуло. Ты невероятно расстроилась.

– Я предлагал тебе ложный выбор, – сказал он. – Прости. Звери Воскрешения всегда знают, где я. Где бы я ни оказался, они гонятся за мной... медленно, но неустанно. Но не только за мной, хотя я занимаю их сильнее всех. Они охотятся за всеми, кто совершил... непростительный грех.

Он опустил руки.

– Что за непростительный грех?

– Тот, что совершила ты, став ликтором, – ответил император.

Ты словно бы услышала, как захлопнулись двери Дрербура. Ты ощутила скрип их механизма, громкий лязг, эхом отдавшийся в нижнем атриуме и полетевший вверх по туннелю. Потом твои воспоминания об этом расплылись и исчезли – как и все остальные воспоминания.

– Они придут и за мной, – сказала ты, только потому, что считала, что тебе стоит их произнести, – если я вернусь в свой Дом, они последуют за мной и туда.

– Ни один из ликторов не вернулся домой с тех пор, как мы осознали последствия. Кроме одной... которая знала, что я приду ей помешать по этой самой причине.

Ты снова посмотрела на ее простой гроб. Он был невелик: тело, лежавшее в нем, нельзя было назвать высоким, крепким, впечатляющим, великолепным. Ты сказала отстраненно:

– То есть мне придется научиться сражаться с этими тварями.

– Сначала я научу тебя убегать, – ответил император. – Это непростой урок, и его нельзя выучить до конца. Но я убегая уже десять тысяч лет, так что я стану твоим учителем.

На мгновение он положил руки тебе на плечи, и ты посмотрела в его жуткое, такое обычное лицо.

– Он имеет в виду, – недвусмысленно пояснила Тело, – что тебе придется научиться обращаться с мечом.

Ты посмотрела на нее через его плечо. Император инстинктивно проследил твой взгляд, но ему было не увидеть того, что видела ты: рубцов, которые цепи оставили на запястье, шее и лодыжках другой девушки. Он не видел длинных, тяжело падающих на плечи волос, в смерти ставших пыльно-желтыми – были ли они каштановыми, золотыми или какими-то еще? Не слышал ее голоса, низкого, осипшего, музыкального. Не слышал и сухого страшного эха других знакомых тебе голосов – матери и Крукса.

Он не знал, что на самом деле Тело Запертой гробницы не говорила с тобой с той ночи, когда ты растирала распухшие кровавые полосы на шее своих родителей, чтобы они не так бросались в глаза. Он не знал, что ты провела вместе с ней только один мирный год, а потом встречалась с нею только во снах. Откуда ему было знать, что во времена твоей юности ее глаза часто бывали черными, как и твои собственные, но с тех пор, как ты испытала агонию ликтора, ее глаза стали невыносимо, тошнотворно желтыми: бронзовыми, жаркими, животными, янтарными, как желток яйца.

Когда тебе было десять, Тело была тихой, строгой, практичной и милосердной. В твои четырнадцать Тело стала нежной и искренней, и иногда даже улыбалась. В твои шестнадцать она сделалась решительной и бесстрашной. Во всех этих ипостасях она хранила обет молчания. Звук ее голоса означал, что безумие вернулось к тебе в полной мере.

– Я не могу, – сказала ты как можно осторожнее. – Я не могу, любимая. Это ушло.

– Харроу? – спросил император, но ты забыла, что он здесь.

– Ты спускаешься по длинному коридору, – сказала Тело, – обернись.

– Я стою во тьме, – ответила ей ты. Ресницы Тела покрывал иней. – Я утратила все. Все пропало. Здесь ничего нет. Я не справилась. Я лишь наполовину ликтор, я ничто, я бесполезна, я не имею мужества.

Тяжелые руки легли тебе на плечи. Ты оторвала взгляд от лица любимой и увидела Царя Воскрешающего.

– Ортус Нигенад умер не напрасно, – сказал он.

Когда он говорил, губы его двигались странно. Горячая игла боли прошила височную кость. Твое тело было глухо к горю. Вероятно, когда-то ты его чувствовала, но больше не могла.

– Ортус Нигенад умер, полагая, что это был единственный дар, который он способен принести, – ответила ты. – И я потратила его впустую, как... как... просто выбросила.

Царь Воскрешающий стал похож на человека, который трудится над очень сложным и захватывающим ребусом.

– Ортус, – сказал он снова, но желчь уже поднялась по твоему горлу, встала во рту. Тело прикрыла ладонью твои глаза и нос, и ты вырвалась из ее рук. Ты рухнула на пол, почти лишившись чувств.

– Ортус Нигенад, – повторил император с некоторым удивлением, а потом не стало ничего. Разве что ты не наблевала на бога, что можно было счесть утешением.

3

Преподобная дочь Харрохак Нонагесимус должна была стать триста одиннадцатой Преподобной матерью в своем роду. Она была восемьдесят седьмой из линии Нон и первой Харрохак.

Ее называли в честь отца, которого называли в честь его матери, которую называли в честь какого-то неулыбчивого чужака – кающегося грешника, возлегшего на тихое брачное ложе Запертой гробницы. Такое случалось часто. В Дрербуре не думали о чистоте Воскрешения. Их единственной целью было поддержание рода некромантов – хранителей гробницы. Теперь осталась только Харроу. Она была последней некроманткой и последней выжившей из своего рода.

Ее рождение обошлось дорого. Восемнадцать лет назад, чтобы вырастить последнюю почку на умирающей ветви, ее родители убили всех детей своего Дома, чтобы защитить наследницу-некромантку. Харроу была зачата в час, когда наступило трупное окоченение, когда души детей пытались покинуть свои тела, в результате всплеска танергии, вызванного одновременностью смертей – одновременностью, которую ее родители мучительно высчитывали. Ничего этого от нее не скрывали. Все это объясняли Харроу год за годом, с того момента, когда она научилась говорить – и молчать, если говорить было не нужно. Дети Девятого дома рано усваивали эту науку.

В детстве ей позволяли залезть под одеяло только после обязательной сорокапятиминутной молитвы, проходившей в присутствии пратетушек Лакриморты и Айсаморты. Они очень строго следили за младенческими молитвами, и поэтому Харроу очень старалась прочитать все с первого раза, чтобы не начинать с начала – от тетушек пахло ладаном и гнилыми зубами. Она четко произносила – точнее, шепелявила – клятвы их собственного изобретения: Гробнице буду я служить до конца своих дней, а потом да похоронят меня в двух сотнях могил... они полагали это милым и кокетливым, в самый раз для маленькой девочки.

Во всем остальном Харрохак была предоставлена сама себе. Она вставала до первого колокола и молилась в часовне, пока не включали отопление. Пальцы замерзали так, что не могли перебирать четки, и тогда она пряталась в одной из библиотек с фонариком на батарейках, одеялом и книгами. Она изучала некромантию в одиночестве, ее учителями и наставниками были мертвецы. Харроу понятия не имела, что работы взрослых некромантов были невероятно сложны для понимания, а значит, не боялась их читать и понимать. Ни самолюбие, ни страхи не мешали ее учебе.

Порой по вечерам родители требовали от нее повторить какую-то теорему или воссоздать локтевую кость скелета, растертого в пыль. Иногда они велили своему древнему маршалу Круксу сбросить свежий труп с верхнего яруса, чтобы он расплылся пятном внизу, и заставляли ее сплавить кости вслепую, под лужей крови и мяса. Потом вскрывали тело, чтобы посмотреть, хорошо ли она справилась. В любом случае в их одобрении звучало облегчение. Ее способности были товаром, за который они заплатили очень высокую цену.

Крукс рассказывал ей, что когда-то ее родители были другими. Наверное, до того, как они устроили маленький инфантицид. Харроу это мало интересовало: она не помнила родителей ни измученными, ни лишившимися всякой радости. Мать ее редко говорила, а если и открывала рот, то обращалась всегда к своему неповоротливому рыцарю – человеку, который выглядел так, как будто разрыдался бы, если бы понял, как это делается. Самым ярким воспоминанием о матери была память о ее руках, которые вели пальцы Харроу по неудачно сделанному черепу. Ее пальцы лежали поверх браслета на запястье девочки, сжимая его все туже и объясняя, как правильно ставить руки.

Отец был чуть более разговорчив. По вечерам он читал своей маленькой семье: когда проповеди, когда старые семейные письма. Было и еще одно воспоминание: она сидит на трехногой табуретке рядом с матерью, из-за стула отца светит яркий электрический свет, отец монотонно произносит слова, пока прикосновение рыцаря не велит ему остановиться. Харроу поводит плечами в своей черной рясе с капюшоном и вертит в руках крошечные кусочки кости – учится обращаться с ними, вжимает их в свои мягкие ладони, мысленно делит собственное тело на две сотни кусочков-мощей.

А потом все изменилось внезапно и навсегда. Харроу влюбилась.

* * *

«Внезапно» – не совсем правильное слово. Процесс был длительным. Харроу медленно подступалась к любви, взламывала ее замки, открывала ворота и прорывалась во внутренние покои.

Ее жизнь была посвящена Запертой гробнице, и то, что покоилось внутри ее, захватило все внимание Харроу с тех пор, как она узнала, что это такое: бесчувственное тело, мирно покоящееся среди лохмотьев и обломков Девятого дома. Ее учили любить императора, который десять тысяч лет назад освободил всех от смерти, которую никто не заслуживал, и воспринимать Гробницу как символ его победы и его заката. Ее родители боялись того, что было заточено в Гробнице. Мерзкие пратетушки поклонялись этому, но опасливо, будто их коллективный страх мог польстить этому и спасти бога. Они никогда не хотели открыть гробницу и заглянуть внутрь. Эти двери открылись когда-то, чтобы занести тело, и откроются снова, только чтобы выпустить его, если будет на то воля рока.

Харроу запрещали входить туда примерно так же, как запрещали подниматься на верхний уровень шахты и колотить молотком по кислородным машинам. Это был бы конец.

Большая часть ее жизни проходила в тишине. Частенько она находила процесс жизни трудным. Утомительным. В худшие дни – нелепым. Теперь воспоминание о произошедшем казалось совсем безвредным и детали потеряли важность. В один очень плохой день – ей казалось, что все ее ненавидят и что ненавидят за дело, кулаки ее были окровавлены, а сердце истерзано. Она написала записку, в которой объясняла причину своего самоубийства, пошла и отперла дверь. Как ни странно, это ее не убило. А все, что ее не убивало, вызывало ее любопытство.

Прошло очень много времени, прежде чем она сумела пересечь порог. Гробница была защищена не хуже самого ада. Но это были ловушки Девятого дома, сделанные из костей и скалящихся черепов, а с костями она научилась обращаться раньше, чем ходить. В конце концов, это просто было весьма полезно с точки зрения образования. Она пересекла пещеру, наспигованную ловушками, миновала глубокий ров с черной водой – и ловушками, – оказалась на острове (покрытом ловушками), подошла к ледяному мавзолею (с очень глупыми ловушками) и, зайдя внутрь – живой, – посмотрела в открытый гроб, где лежала причина ее появления на свет.

Смерть бога и враг бога оказалась девушкой. Или женщиной. На тот момент Харроу еще не знала разницы, да и пол был просто догадкой. Труп лежал во льду, облаченный в белую сорочку. Руки сжимали покрытый инеем меч. Девушка была красива. Очертания ее мышц казались идеальными. Каждая конечность была воплощением идеала, бескровные стопы с высоким подъемом казались безжизненным симулякр идеальных стоп. Черные заиндевевшие ресницы, лежащие на щеках, были черны идеальной чернотой, а носик казался картинкой, изображающей идеальный нос. Ничто из этого не нарушило бы спокойствие Харроу, если бы не рот, который был совсем не идеален: кривоватый, с ямкой на нижней губе, как будто кто-

то осторожно вдавил туда палец. Харроу, которая родилась исключительно для того, чтобы поклоняться этому трупу, полюбила его безумно и яростно – с первого взгляда.

Так что смерть бога стала и ее смертью. Она беззаботно навевалась в гробницу. Ее родители... обнаружили, что она сделала, какой грех совершила, и отреагировали так, как будто она призналась, что расколотила кислородные машины молотком. Столкнувшись с апокалипсисом, они решили покончить с собой, прежде чем их забрала бы другая смерть. Они даже не рассердились. Спокойно и серьезно, все понимая, ее мать с отцом и рыцарем связали пять петель – одну для Матери, одну для Отца, две для Мортуса, одну для самой Харроу. Они повесились, не дрогнув и не вздохнув. Наверное, было бы гораздо лучше, если бы Харроу висела бы рядом с ними. Было бы лучше, если бы она вползла в гробницу женщины, которую любила, и позволила морозу сделать свое дело.

Но Харрохак – Харроу, которая была двумя сотнями мертвых детей, Харроу, которая любила ту, что не жила уже десять тысяч лет, – Харрохак Нонагесимус невероятно хотела жить. Жизнь слишком дорого обошлась ей, чтобы умирать.

* * *

Любовь разделила ее жизнь на две половины: половину до влюбленности и половину после. Она возненавидела сидение в апсиде и гимны. Теперь она слышала странный грохот, прерывающий молитвы верных, далекие удары где-то у себя в голове, которую она отдала кому-то, оказавшемуся вне времени. Она слышала, как открываются и закрываются двери в залах, где ничего не открывалось и не закрывалось, тело ее боялось, а разум ничего не понимал. При всех этих мучениях она вынуждена была сидеть рядом со своим стареющим маршалом Круксом и терпеть, что ее кормят с ложки: он настаивал, что она должна нормально есть. В любое время она могла вскричать: «Это происходит именно так?», услышав что-то, и он ответил бы: «Да, моя госпожа» или «Нет, моя госпожа», и ей полагалось быть довольной.

Это лишило ее покоя. Даже долгими темными днями, которые она проводила в полном одиночестве – в библиотеке или в своей лаборатории, обжигая пальцы о жирный пепел, – она слышала голоса где-то на пределе слуха или видела краем глаза что-то, чего на самом деле не было. Ей казалось, что порой ее ладони сдавливают ее собственное горло, пока перед глазами не начинают мелькать пятна. Она видела свисающие с потолка веревки, она могла забыть, где находится, и вместо результатов утреннего исследования помнить то, чего не происходило.

В первый год после смерти родителей она часто видела Тело – во сне и наяву, – и это было одновременно облегчением и бедой. Тело приносила с собой покой, но в ее присутствии Харроу теряла счет времени. Она сидела, почти прикасаясь к сухой мертвой руке своей любви, а потом смотрела на часы и обнаруживала, что день уже миновал. Или вдруг понимала – и это пугало и сбивало с толку, – что прошло всего несколько секунд. Когда заработал ее гипофиз, Тело перестала появляться наяву, но другие галлюцинации продолжались. Харроу бесило, что с ней происходят такие... прозаические вещи, как половое созревание.

Но когда оно изменило ее – гормонами, временем или и тем и другим, она смогла восстановить подобие контроля над своим изъеденным личинками разумом. Она часто молилась. Мозг ее находил убежище в ритуалах. Иногда она постилась, или ела одно и то же целыми днями, раскладывая еду по тарелке особым образом и выбирая кусочки в заранее установленном порядке, и так целыми месяцами. Раскраску на лицо она наносила, подчиняясь куда более строгим правилам, чем любая монахиня, носила ее даже наедине с собой и порой спала, не умываясь. Собственное лицо в зеркале казалось ей до невозможности утомительным, чудовищным, нелепым, чужим – и при этом странным образом привязанным к ней самой. Харроу нечасто плакала, но порой садилась в свое укрытие и резко и быстро раскачивалась взад и вперед. Иногда часами.

Исследования стали сложнее, когда она запоздало поняла, что решает сложные проблемы. Но это решалось более напряженной работой. Иногда она тратила по полмесяца на одну теорему. Она перемещала мать с отцом по всему дому, как шахматные фигуры, каждый год стараясь исправить их напряженный и неестественный вид, усаживая их в часовню, где ее народ спрашивал указаний – она понятия не имела, что говорить. Но верные и кающиеся Запертой гробницы старели, и она поняла, что они хотят слышать одно и то же. Все чаще она вставала между трупами родителей у чьего-нибудь смертного ложа и смотрела, как очередной кающийся грешник испускает дух, пока она произносит слова заупокойной службы. Они умирали счастливыми. Им все это нравилось. У нее был талант. Харрохак побывала у столько смертных одров и произнесла столько торжественных речей о смерти и долге, что в конце концов сама начала в них верить.

Старики Девятого дома превращались в дряхлых верных Девятого дома, а дряхлые верные – в мертвецов. Харрохак видела большинство их смертей, за исключением случаев внезапной тромбоэмболии, и к четырнадцати годам уже научилась останавливать и запускать сердца достаточно качественно, чтобы люди доживали до конца последнего ритуала. Она всегда презирала магию плоти, но к аортам питала определенную слабость. Позднее, когда их плоть стекала с костей, Харроу лично поднимала оголенные кости, чтобы они тихонько возились внизу или собирали лук на верхних полях Дрербура. Свое искусство некроманта она оттачивала повседневными хлопотами – смерти от старости, сложная возня с погребальными нишами и черепами, укрепление изъеденных остеопорозом костей, чтобы ее конструкторы не падали, когда у них рассыплются ноги. Ее родители знали, что делали, создавая ее из двух сотен мертвых детей: нужен был гений, чтобы Девятый дом не превратился в кучу костей и умирающих от пневмонии стариков.

Но даже гений мог только поддерживать статус-кво. У Дома никогда не было ни технологий, ни понимания, ни действующих магов плоти, чтобы создать искусственную матку. Живые обладательницы матки были слишком стары, чтобы вынашивать детей, не считая двух человек, одним из которых была сама Харроу. Она могла только благодарить господ за то, что эту обязанность на нее не возлагали. Единственный жизнеспособный источник ХУ-хромосом был ее первым рыцарем, мужчиной на семнадцать лет ее старше. В то время она воспринимала его как ходячий костюм человека, скрывавший приличный запас карбоната кальция, а он относился к ней с почтительным ужасом – примерно с таким же, с каким относился бы к неизбежному наследственному раку. К счастью, их брак безнадежно спутал бы линии крови рыцаря Дрербура и наследника Дома. Ортус Нигенад был единственным ребенком. Харрохак с таким энтузиазмом уговаривала родителей отказаться от этой идеи, что выбила отцу клык. Если кто-то и мог обрадоваться этому сильнее ее самой, то разве что Ортус.

Шли годы – не получая отпущения грехов, засыхая и покрываясь коркой. Харрохак смотрела, как стареет Крукс, все сильнее и сильнее, и применяла все доступные ей хитрости, чтобы он оставался жив. Все его артерии были забиты бляшками, и он делал вид, что не замечает, как она разгоняет их. Она знала, что когда наконец уложит свою престарелую няньку в погребальную нишу, то лишится единственного человека, помогавшего ей сохранять рассудок. А если она снова сойдет с ума, что будет? В принципе, она могла попросить помощи у других Домов. Могла попросить о вмешательстве Когорты – они оказались бы здесь на следующий день, с инкубаторами, грешниками-добровольцами, займами и образцами растений. А еще с предложениями, от которых невозможно отказаться. И Харрохак пришлось бы вступить в брак с сыном Второго дома или дочерью Пятого, и яркие знамена повисли бы рядом с черным черепом. И это стало бы концом Девятого дома – куда худшим, чем удар молотка по кислородной машине.

Им нужно было воскрешение. Им нужно было чудо. Харрохак годами изучала чудеса, а потом одно из них пришло к ней само: шанс стать лектором. Шанс послужить богу-императору,

шанс стать его кулаком и ладонью, шанс сделаться бессмертным служителем и защитником Дрербура, вдохнуть новую жизнь в Девятый дом на своих условиях, не откатывать камень и оставить любовь всей ее жизни и смерти мирно почивать в каменном саркофаге. Еще десять тысяч лет одиночества. Еще одна длинная тонкая нить Преподобных Матерей и Преподобных Отцов. Харроу выгнала негодного рыцаря из своего Дома и ухватила за шанс обеими руками.

Но, как и с первой любовью, что-то пошло очень сильно не так. Ее рыцарь отдал себя с тупой готовностью – и Харрохак теперь умирала от стыда. Несмотря на эту готовность, она почти совершила непростительный грех. Она собрала вещество души Ортуса Нигенада и не смогла придушить его. Она снова стояла перед зеркалом одна: Харрохак, чудовище, нелепость, чужачка. Отвратительное создание. В девять лет она совершила ошибку. В семнадцать лет она тоже совершила ошибку. Жизнь повторяла сама себя. Харроу всю свою жизнь будет балансировать на краю, вертеться в нелепом цикле черт знает чего.

Была еще одна девушка, которая выросла рядом с Харроу, – но она умерла еще до рождения наследницы.

4

Ты все еще гордилась тремя вещами: во-первых, невероятным хладнокровием, во-вторых, нечеловеческими способностями к некромантии, и в-третьих, способностью сопротивляться убийству. Тебя было так сложно убить, что ты даже сама с этим не справилась.

Во время первого покушения на твою жизнь мозг испугался густой духоты и вырвал тебя из сна. К твоему лицу прижималось что-то мягкое, огромное и теплое – это могло быть только твоей же подушкой. Тонкая ткань стала влажной от твоего дыхания и слюны. Кто-то стоял у твоей кровати и держал подушку. Ты рефлекторно дернулась, и кто-то сжал пальцами твое горло. Подъязычная кость треснула бы, если бы ты не укрепила ее толстым хрящом.

Очень глупо было не задавить тебя. Ты нащупала собственную руку и сорвала ноготь с большого пальца, крича в белую душную темноту. Превратила окровавленную кератиновую пластинку в тысячу кусочков и обратила их тысячью зазубренных игл. Слепая, задыхающаяся, ты бросила жесткие снаряды в убийцу, как шрапнель, услышала, как они вонзились в плоть или отскочили от стены. Хорошо. Отлично. Подушка сдвинулась, и...

* * *

Ты пришла в себя на своей голой, похожей на носилки койке. Дышала ты тяжело.

Ты поднесла левую руку к лицу, под свет – ровный белый свет с жаркими искорками вольфрамовых нитей. Ноготь был целый и ровный – слишком ровный? Или ты все еще грызла ногти, вспомнив неприглядную детскую привычку? Огромный двуручник лежал рядом, как безмятежный младенец, а на стене каюты... не было ничего.

Ни фрагментов ногтя, ни царапин на стене. Просто аккуратные ящики. А на стуле, придвинутом к кровати – маленьком стуле, обычно стоявшем у двери, том самом, на который однажды сел император, – сидела Ианта Тридентариус.

Ваши взгляды встретились. Другой начинающий ликтор – святая Третьего дома, кости императора и суставы императора, кулаки императора и ладонь императора – была наряжена в роскошный полупрозрачный плащ, переливавшийся всеми цветами радуги. Легкая блестящая белая ткань меняла цвет при каждом движении. Перламутр сделал волосы Ианты грязно-желтыми и подчеркнул желтизну ее кожи. Лицо покрывали пятна, а глаза казались глубокими ямами. Честно говоря, выглядела она дерьмово. Ты обратила внимание, что в глазах у нее смешались несколько цветов: вылинявший фиолетовый сражался за жизненное пространство с мутно-синим, там и тут виднелись светло-коричневые крапинки. Ианта сидела слишком уж близко к тебе и как-то косо, сторбив плечи. Кроме того, у нее было две руки – на одну больше, чем при вашей последней встрече. Все это тебя не особенно взволновало.

А вот не понравилось тебе то, что принцесса Иды – всклокоченная, состоящая сплошь из острых углов и суставов, с глубокими тенями под глазами – смотрела на тебя с выражением, которое ты вряд ли хоть когда-то видела на ее лице. Ианте нравились вялые картинные позы и жесты, она любила изображать тяжелую, неестественную усталость, слабые проблески злобы, а иногда – самоуничтожение или ленивое веселье. Но теперь в ее глазах читался тихий, совершенно не свойственный ей голод.

Она улыбнулась с откровенной снисходительностью – это как раз было знакомо и напугало тебя. Казалось, что она светится изнутри.

– Доброе утро, моя соратница. Моя коллега, моя союзница. Мне нравятся твои глаза, Харрохак, – как цветочные лепестки в темной комнате. И даже я вынуждена признать, что твои ресницы великолепны. Прекрати закрывать лицо подушкой – я и раньше его видела, и

я знаю, что ты выглядишь так, будто твои родители были прямоугольными треугольниками. Надо работать с тем, что есть, как сказал маг плоти прокаженному.

Ты содрогнулась. По шее поползла жаркая волна. Титаническим усилием ты сумела не прикрыть лицо руками, поверить в свою маску из простыни. Усиленные чувства ликтора сделали тебя самоуверенной. Ианта Тридентариус казалась черной дырой, в которой не билось сердце и не существовало мозга. Мозг у нее был – это ты неохотно, но все же признала. Сердце оставалось под вопросом. Она посмотрела тебе в глаза – увидев скорее всего отражение собственной смерти, – и ее рука исчезла под плащом. Ты с размаху впечатала ладонь ей в лоб. Ты не чувствовала ее, она представлялась тебе закрытой дверью в темную комнату. Прикосновение позволило ощутить кости скул, которые ты могла бы извлечь из ее черепа.

– Пока ты ничего не успела сделать, предупреждаю, что ты об этом пожалеешь, – сказала девушка, которая не двинулась и никак не отреагировала на прикосновение твоей руки, разве что ресницы над разноцветными глазами чуть дрогнули.

– У меня есть для тебя письмо.

Она медленно вытащила руку. Все это было бы ерундой, но (кровь застучала в ушах, тебе показалось, что ты слышишь шаги, но они стали голосами, а потом снова шагами) в руке Ианты был зажат листок с четко написанным именем. Харрохак. Это имя было написано твоей собственной рукой. А под ним, помельче, но опять же твоим почерком: «Передать Харрохак немедленно после обретения связности».

Ты посмотрела на письмо. Посмотрела на Ианту. Даже за такой короткий промежуток времени поле боя у нее в глазах успело измениться. Из-под руки ты увидела, что один глаз теперь целиком стал бледно-фиолетовым, как выпцветающий синяк или умирающий цветок, а во втором слились голубые и карие пятна. Эта беспорядочная гетерохромия взирала на тебя спокойно и уверенно.

– Не понимаю, какой такой связности, – пожаловалась она. – В смысле, когда я начну узнавать предметы и их названия? Или когда приду в разум – а это значит, что письмо тебе пока не положено? Я вообще не собиралась к тебе подходить после того, как ты откроешь глаза. Ты умеешь только блевать и убивать.

– Откуда ты взяла это? – каркнула ты.

– Ты сама мне его отдала, булочка моя череполица, – нежно сказала она. – На, забирай. Это твое.

Ты оторвала руку ото лба и взяла письмо. Ты очень боялась, что у тебя задрожат руки и что ты не сумеешь успокоиться. Разглядывая лист под ярким белым светом, ты не заметила ни ошибок, ни признаков подделки: это был твой почерк, а не чья-то копия. Слова были написаны твоей кровью. Коснувшись гладкой пластиковой поверхности, ты представила кончик пера, легкий укол металла, пронзивший губу.

Развернув лист и расправив его, ты поняла, что это была последняя капля плоти, стекшая со скелета: письмо было написано шифром Девятого дома, точнее, твоим собственным, родившимся из личного шифра твоих родителей и переработанным в твои семь лет. Эти слова не мог бы прочитать никто, у кого не было твоих четок, маршала Крукса и примерно сотни свободных лет. Ты прочла:

ГОСПОЖЕ ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС, ИЗВЕСТНОЙ ТАКЖЕ КАК ПРЕПОДОБНАЯ ДОЧЬ ПО ЕЕ ЖЕ СЛОВУ, НЫНЕ – ХАРРОХАК ИЗ ПЕРВОГО ДОМА, ОТ НЕЕ ЖЕ, НЫНЕ ПОКОЙНОЙ.

– Давай, читай, – сказала Ианта, встала и отошла к окну, в лучи света ближайшей звезды.

* * *

ГОСПОЖЕ ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС, ИЗВЕСТНОЙ ТАКЖЕ КАК ПРЕПОДОБНАЯ ДОЧЬ ПО ЕЕ ЖЕ СЛОВУ, НЫНЕ – ХАРРОХАК ИЗ ПЕРВОГО ДОМА, ОТ НЕЕ ЖЕ, НЫНЕ ПОКОЙНОЙ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ ИЗ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ. ПРОЧЕСТЬ НЕМЕДЛЕННО ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ СВЯЗНОСТИ.

Харрохак, я пишу эти строки через сорок восемь часов после того, как ты стала ликтором в доме Ханаанском. Когда ты это прочтешь, ты уже не будешь помнить, как писала – эта Харрохак будет давно мертва. Ее воскрешение будет ошибкой, так что его следует избегать любой ценой.

Это письмо не ответит на вопросы. То, что я сделала – назовем это работой, – тебе знать не следует, но это весьма опасно. Вместо этого я расскажу, как тебе прожить остаток жизни. Поскольку твоя жизнь, вероятно, продлится теперь несколько тысячелетий, очень важно не отступать от моих правил. Ты – живая гарантия обещаний, которые я дала. Нарушишь их, и из-за границы смерти я заклею тебя еретичкой, отрежу от той, что лежит на замороженном алтаре в сне и в смерти, лишу самой возможности поклонения и шанса поучаствовать в ее воскрешении.

ПРАВИЛО № 1: ОСТАВАЙСЯ В ЖИВЫХ.

Тебе нельзя покончить с собой. Тебе нельзя проявить халатность, которая приведет к смерти. Несчастных случаев следует избегать. Их нельзя рассматривать как приемлемый исход. Успех работы зависит от твоего существования.

ПРАВИЛО № 2: ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В ДЕВЯТЫЙ ДОМ.

Дорога домой для тебя закрыта. Твоя нога больше не должна ступить на эту планету. Не позволяй отвезти себя туда силой.

ПРАВИЛО № 3: МЕЧ ОСТАНЕТСЯ С ТОБОЙ НАВСЕГДА.

Каждый вечер пои его артериальной кровью. Своей. Не забывай обрабатывать клинок прахом. Не режь плоть обнаженным клинком. Не руби кости обнаженным клинком. Этого может быть недостаточно. Обращайся с клинком, как со своей смертью, и не забывай о правиле номер один.

ПРАВИЛО № 4: ТЫ ПОД УГРОЗОЙ.

Возможно, ты сама уже это подозреваешь, если ты не такая дура, как я делаю вид. Я подтверждаю твой доступ к ликторскому колодцу. Этот источник силы, вероятно, окажется по тебе. Готовься к неизбежным неудачам и учись. Ты ни черта не понимаешь в магии плоти и духа, так что начни с этого. Не вздумай полагаться на то, что тебе уже известно. Мне больно это признавать, но тебе ни хрена не известно. Не смей строить фундамент на такой неверной и эфемерной почве.

ПРАВИЛО № 5: ТЫ В ДОЛГУ ПЕРЕД ИАНТОЙ ТРИДЕНТАРИУС ПО ЗАКОНУ ЦЕПИ.

Это сложно объяснить, так что я и не стану ничего объяснять. Тридентариус сделала то, что произошло, возможным. Я осталась ей должна – и ты будешь выплачивать этот долг до конца своих дней. Это соглашение окончится вместе с твоей смертью. Оно распространяется на Дом, но НЕ на гробницу. Это соглашение уникально, но оно имеет преимущественную силу над любым обязательством перед кем угодно, менее значительным, чем Святое Тело, включая императора Девяти домов. Во избежание затруднений философского характера она ожидает, что ты повторишь клятву немедленно по получении этого письма, и отказ от этого отменит все соглашение. Не тяни с этим.

Само собой разумеется, что Ианта убьет тебя, если сможет. Она помогла мне, но ей это не стоило ничего, а тебе будет стоить всего. Я оградил ее от полного понимания

работы, так что она не сможет испортить ее случайно или специально. Ты в ее власти. Я совершенно уверена, что она этим злоупотребит. Ты сама никогда не имела власти ни над кем, но все равно отчаянно злоупотребляла.

ПРАВИЛО № 6: ЧИТАЙ ДРУГИЕ ПОСЛАНИЯ, ТОЛЬКО ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ СООТВЕТСТВОВАТЬ ВСЕМ ТРЕБОВАНИЯМ.

Я оставила другие инструкции на случай изменения обстоятельств. У Ианты хранится двадцать четыре письма, и она отдаст тебе двадцать два, включая это. Они пронумерованы. Выучи условия и носи письма с собой. Будь готова прочесть их в любой момент, когда это потребуется. Немедленно следуй изложенным в них инструкциям. Повторяю: не читай их просто так.

Для себя: дальше будет маленькая пауза, а потом последняя инструкция. Ты, наверное, думаешь, что я сдала тебе жуткие карты. Не то чтобы я тебе не сочувствовала. Просто учти, что я завидую тебе сильнее, чем кому-либо, и что твое появление я считаю главной удачей. Рассматривай меня как Харрохак, которая сделала первый в нашей жизни настоящий выбор. Это был первый раз, когда мы могли сказать «да» или «нет» – и решать самостоятельно.

Учти, что на этот раз я сказала «нет».

ПРАВИЛО № 7: КОГДА ТЫ ЭТО ПРОЧИТАЕШЬ, ВНИМАТЕЛЬНО ПОСМОТРИ НА ЧЕЛЮСТЬ И ЯЗЫК ИАНТЫ.

Поскольку она ликтор, для этого потребуется физический контакт. Она не должна понять, что ты ее изучаешь. Делай что угодно. Если ты вдруг заподозришь, что челюсть или язык были заменены, НЕ ИСПОЛНЯЙ КЛЯТВУ! Если это случится, убей ее немедленно.

В надежде на будущее прощение,

Остаюсь

ХАРРОХАК НОНАГЕСИМУС

* * *

– Подойди сюда, – сказала ты гораздо менее уверенно, чем хотела.

Ианта, которая задумчиво смотрела на звезды, немедленно повиновалась. Она улыбалась все той же заговорщицкой улыбкой – как паук, засевший в тупле. Она устроилась на стуле у койки, и ты снова заметила, что она действует левой рукой, как будто правая сделалась для нее слишком тяжелой ношей.

Ты спустила ноги с койки и сняла простыню с лица, хотя оно оставалось голым. Она распахнула разномастные глаза – на мгновение. Ты встала перед ней, оценивая ситуацию. Шесть футов обнаженной стали запутались в тонком одеяле, но ты решила, что можно на мгновение потерять контакт с мечом. Потянулась вперед и взяла лицо Ианты в ладони. Большие пальцы прижались к теплой плоти, которая покрывала кости челюсти, а другие пальцы коротко пробежались по щекам. Пястные кости чуть надавили на челюсть. Ты немного покачала ее вверх и вниз. Кожа Ианты побелела там, где ее касались твои руки, твоя кожа побелела там, где она соприкасалась с Иантой. Под ногтями у тебя виднелись мельчайшие крошки засохшей крови.

Ты поняла, что скривилась и прищурилась, как от кислого или от яркого света. С этим было ничего не поделать. Оставалось только одно, самое мерзкое на свете. Ты наклонилась и – мать твою – поцеловала ее прямо в губы.

Этого она как минимум не ожидала. Да и как она могла такого ожидать? Губы ее застыли, что дало тебе немного времени. Ианта была для тебя черной дырой, нулем, пустотой, новым, нечитаемым пространством. Но физическая близость помогала прощупать эту тьму. Твои пальцы искали остеоиды. Новая кость всегда выдает себя: свежий коллаген поддается под нажимом и лучится талергией. Ее клетки реагировали, как старая кость. Когда ты прижала кон-

чик языка к ее языку, она издала короткий, полузадушенный, полный боли вскрик – кажется, она пыталась позвать на помощь – но хотя мышцы языка не были твоей специализацией, ты сумела сквозь плоть уловить сигналы подбородочного симфиза. Там не было никаких следов того, что язык вырывали изо рта. Ты была в безопасности.

Наконец ты оторвалась от нее. Ианта сидела, чуть приоткрыв рот и приподняв брови. Бескровное лицо не тронула краска.

– Я вновь даю обещание служить Ианте Тридентариус, принцессе Иды, дочери Третьего дома, – сказала ты. – Я обещаю исполнить любые соглашения, ранее заключенные с нею. Я клянусь своей матерью, клянусь соленой водой, клянусь той, что лежит мертвой и бездыханной в Гробнице, клянусь порванной и возвращенной душой Ортуса Нигенада.

– Чьей? – спросила она. – А, того рыцаря...

Ианта вытерла ладонью бледные, изогнутые луком губы, а потом внимательно посмотрела на руку.

– Ну, – наконец сказала она, – это определенный шаг вперед по сравнению с зашиванием мне рта, которое ты... ах, извини, я обещала не выдавать незначительных деталей.

– погоди. Ты согласилась подвергнуться Зашитым Губам?

– Не задавай вопросов и не услышишь лжи, – сказала принцесса Иды, снова вытирая нижнюю губу очень осторожным движением. – Все, что я могу сказать, так это то, что для мага, который полагается только на кость, ты очень хорошо обращаешься с огромными иглами. Я принимаю твою клятву верности снова, дочь Девятого дома, и могу только надеяться, что на этот раз ты прочитала текст соглашения.

Ты снова села на койку и положила руку на рукоять меча. Обычный эффект не заставил себя ждать: пищевод мучительно вздрогнул, слюнные железы затряслись, тошнота поднялась аж до глаз.

– Ты выжала удивительно много крови из очень маленького камня, – сказала ты.

– Я дала тебе то, что было тебе очень нужно в тот момент, – заявила она, лениво забрасывая одну ногу на другую. – Я не считаю цену настолько уж высокой... да и ты тоже. Кроме того, нам сейчас предстоит начать нечто, что потом станет прекрасной дружбой, и я буду единственным плодородным участком земли в твоей солончаковой пустыне и все такое, так что я буду страшно благодарна тебе, если ты не полезешь в то, что я сделала с таким трудом.

Ты вцепилась в широкую полосу стали. В ушах гремели то ли звуки, то ли адреналин, и сердце болело.

– Клятва не оправдывает неуважения, – заявила ты. – Я не стану лизать тебе пятки.

– Совершенно ненужная образность, – заметила Ианта.

– Я не стану терпеть оскорбления. Я – Преподобная дочь. Я ликтор. Я в долгу перед тобой, но я не игрушка тебе.

– Ни в коем случае. Разумеется. – Ианта скривила губы. – Ты похожа на гигантский мятный леденец. Держи. И еще.

Ианта вдруг нырнула под стул – правая рука будто существовала отдельно от нее – и вытащила большой рыхлый блестящий сверток. Легко кинула его тебе – ты даже не попыталась его поймать. Сверток приземлился на койку и лег на ней красивым пятном. Это была та же тонкая и легкомысленная ткань, которая сейчас окутывала плечи Ианты. Все складочки и морщинки на перламутровом плаще исчезли, когда ты его встряхнула. У него был капюшон. Были широкие рукава. Как раз то, что тебе нужно. Цвет, конечно, был совершенно не твой, но все лучше, чем бирюзовая больничная рубашка. Ты торопливо натянула его на себя. Надвинула капюшон на голову и не стала скрывать вздох облегчения. Ты была одета с ног до головы, пусть и не слишком скромно: часть лица оставалась на показ.

И была еще аккуратная стопочка конвертов, похожих на первый. Харрохак, которая надписывала их, потратила довольно много времени на аккуратно зашифрованные адреса и номера.

Ты быстро пересчитала их и невольно посмотрела на условия чтения. Некоторые были очевидны и недвусмысленны. Прочитать в случае смерти императора. Прочитать в случае смерти Ианты. Прочитать, если Девятый дом окажется в смертельной опасности. Некоторые были невняты почти до безумия. Открыть, если твои глаза изменятся. Отдать Камилле Гект, если ты ее встретишь.

Ты озадаченно задумалась, слышала ли вообще раньше фамилию Камиллы из Шестого дома, женщины, с которой не общалась вообще ни разу – ну или не могла этого припомнить.

– Последние два останутся у меня, – сказала Ианта, вставая. Смотреть на нее, стоящую, было непросто: она слишком сильно напоминала кривую восковую отливку великолепной скульптуры.

– Я прямо скажу: одно я должна прочитать в случае твоей смерти, и это довольно смешно.

Ты продолжала смотреть на письма. И тут увидела: прочитать при встрече с Коронабет Тридентариус. Это письмо отличалось от остальных: оно не было зашифровано. Тебе не очень нравилась мысль, что у Ианты было время изучить твой шифр. Бывшая ты была какой-то невыносимо самоуверенной. Ианта тоже заметила письмо.

– Это ты писала у меня на глазах. Я могу рассказать, о чем оно. Ты теперь слушаешься меня и, в широком смысле, Коронабет. Ну и вот тебе часть инструкций просто так: ты не должна и пальцем трогать мою сестру.

– Твоя сестра скорее всего мертва, – сказала ты, не видя причин этого не говорить.

Она откинула назад белесую голову и захохотала.

– Корона! – сказала она наконец. – Моя милашка Корона слишком глупа, чтобы умирать. Она выйдет назад из Реки, клянясь, что шла в правильном направлении. Если она умрет, я скажу тебе: «Спасибо, Харрохак». Но этот день еще не настал.

Голова у тебя кружилась. В каком-то смысле стало легче. Ты немного боялась, что это тоже всего лишь часть сложной галлюцинации, что ты скоро опять проснешься в мире, где ты – часть своего собственного генерального плана. Плана, который тебя бесил, как бесили любые безапелляционные приказы и попытки что-то от тебя скрыть. Но все же этот план безусловно существовал. Ты могла бы следовать любым указаниям, если альтернативой было безумие.

– Если тебе все равно, я бы предпочла остаться одна, – сказала ты. – Мне много о чем нужно подумать.

– Какой вежливый эвфемизм, – заметила Ианта.

Она подобрала юбки и присела в реверансе изящным, бездумным движением. Блестящая ткань, зажатая в пальцах, усиливала впечатление издевки. Когда она посмотрела на тебя, ты увидела, что ее глаза снова изменились, теперь они стали фиолетовыми, выцветшими, а светлые пятнышки в них походили на созвездия крошечных зрачков.

– Прошу, – сказала она. – Как по мне, если нам чего и не хватает, так это времени, но кто я такая, чтобы судить Царя Неумирающего, бога Девяти домов?

Ты ответила – потому что опять же не видела причин молчать:

– Ты хреново обучила Терна, раз он до сих пор сопротивляется.

Ианта подумала. Коснулась узорчатого эфеса рапиры, висевшей у нее на поясе. Вытащила длинный кинжал, который послал горячую волну боли по твоей височной кости. Это была – хотя ты так и не озаботилась выучить все эти слова – дага Терна, нож-трезубец, длинный клинок, по бокам от которого выскакивали два других, стоило только нажать на скрытую кнопку. Она задействовала этот механизм, и лезвия выскочили с тихим шелчком. Сверкнули две стальные полосы. Она сделала второе движение – и они снова скрылись. Она протянула руку ладонью вперед и, не медля, не раздумывая, не дергаясь от боли, воткнула клинок в ладонь. Он

должен был здорово повредить мышцы-сгибатели и кости запястья. Рубиновые капли крови потекли на рукава сверкающего плаща.

Когда она вытащила клинок, рана затянулась, как будто ее и не было. Стоило лезвию выйти из кожи, как края раны сомкнулись, плоть срослась, и дырка исчезла, оставив ладонь чистой и целой, если не считать нескольких алых пятнышек. Она встряхнула ладонью, и капли крови рассыпались прахом. Впервые с момента вашей встречи Ианта лучилась танергией, как лучится жаром уголь.

– Вытяни руку, – велела она.

Ты повиновалась, прекрасно зная, что произойдет дальше. Ты сделала это немедленно, потому что не медлила и она. Ианта осторожно взяла тебя за запястье, прикинула угол и ударила.

Ты напряглась всем своим существом, чтобы не сблевать. Нежные сухожилия ладони разошлись под бритвенно острым клинком, сталь уперлась в пястную кость, отколов от нее осколок, кровь струей плеснула в лицо, горячими солеными каплями повиснув на губах, носу, правой щеке.

Глаза закатились в мучительном экстазе. Мир содрогнулся. Ты увидела Тело, прижавшуюся к стене. Руки ее были сложены, словно для молитвы. Ты посмотрела на клинок, вошедший в твою руку, посмотрела на Ианту и на мгновение поняла, что она хотела нажать кнопку и оставить тебя без руки. Превратить ладонь в мешанину боли и обрезков, в белизну костей. Что она наказывала тебя за поцелуй и за что-то, чего ты даже не могла вспомнить.

Она вытащила клинок. Это тоже было мучительно. Ты поняла суть урока: тебя не ждало исцеление. Твоя плоть осталась разорванной и жалкой, в твоей ладони зияла гнусная дыра, кожа мерзко разлохматилась по краям, повисла красно-розовой бахромой. Ты свободной рукой схватилась за запястье, которое держала она, потоком влила в руку танергию. Жаркая бесстыдная струя подхватила осколки кости, срастила мышцы. Это потребовало усилий и заняло твои мысли. Ты восполнила потерю крови, вырастила новую блестящую кожу, сделала ладонь целой, как и прежде, но нервы вопили, трясаясь от памяти о боли.

– Харроу, – нежно сказала Ианта, – не трахай мне мозг. Я тебе тоже не игрушка.

Она отвернулась и двинулась к двери. У тебя пересохло во рту. Ты попыталась облизать губы, но побоялась, что тебя вырвет желчью. Голова кружилась. Ты взяла себя в руки достаточно, чтобы сказать:

– Значит, твой рыцарь – запретная тема?

Ее рука замерла перед панелью автоматической двери. В руке была подвеска с символом Первого дома, выложенным белой нитью.

– Бабс? – переспросила она. – Да насрать на Бабса. Но не смей говорить, что моя сестра умерла. Никогда.

Она коснулась панели и перешагнула порог. Дверь закрылась за ней, и ты осталась одна. На лице и коленях застывала кровь. Через мгновение ты стряхнула ее так же, как Ианта, высушив кровь в прах. Ты была слаба. Ты подошла к Телу, которая молча стояла у стены, и спрятала лицо у нее в коленях. Мертвая холодная близость показалась такой осязаемой и реальной, что принесла тебе успокоение.

Ты оказалась так близко к ящикам, составленным у двери, что заметила, что их принесли сюда второпях и расставили очень неаккуратно. Ты с трудом встала на ноги и пнула один из них. Они обрушились, как костяшки домино.

За ящиками оказались сотни осколков ногтей. Они походили на сломанный рог неизвестного животного, они были разбросаны по полу, они торчали из стены. Некоторые побурели от засохшей крови. Длинные зазубренные кератиновые щепки местами воткнулись в стену на палец. Ты поползла обратно к койке, где Тело уложила тебя, прикрыла одеялом, вложила в твои руки злополучный меч, добавила к нему стопку писем и позволила тебе потерять сознание.

5

Сначала она увидела свет. Он лился сквозь плексигласовые окна сияющим потоком, белым и жарким. Рубашка сразу же промокла от пота, прилипла к ребрам. В крошечном черном саркофаге шаттла свет сразу занял все доступное пространство, зло ударил по глазам. Харрохак вскрикнула, словно свет мог ее убить, а потом вдруг разом пришла в себя и смутилась.

– Пожалуйста, – сказал кто-то, – госпожа моя Харрохак, постарайтесь... смириться. Что я могу для вас сделать? Что нужно сделать?

Ортус, кажется, занимал еще больше места, чем свет. Он заполнял черно-стальное пассажирское сиденье полностью. Харроу с болью осознала, что у него выражение лица человека, который смотрит на неприятную помеху. Через много лет она вдруг сообразила, что Ортус Нигенад, идеальный современный рыцарь Девятого дома – идеально выбритая голова, идеально наложенная и идеально уместная краска, идеально мрачное и торжественное выражение лица, идеальное сложение двух шкафов, сколоченных вместе, идеальная способность таскать по шесть кило костей – считает ее довольно жалким существом. Насколько она была в самом деле жалкой, он, наверное, был не способен понять.

– Я что, подала знак? – кое-как спросила она. – Что, был сигнал? Нет? Тогда вынуждена тебе напомнить, что все остальное тебя не касается. Надеюсь, напоминать второй раз не придется.

Он не потел так, как она, но ресницы его казались влажными от света.

– Как вам будет угодно, моя госпожа. – Рапира не болталась у него на боку, а лежала на коленях, как чужой младенец. Харроу со смутным удовольствием отметила, что вместо второго оружия он таскал плетеную корзину, хотя Агламена очень активно возражала против этой идеи. Это выглядело... приемлемо. Ей нужен был соратник, а не цирковой фокусник.

– Где мы? – спросила Харроу, снова охваченная внезапной нервозностью.

– Я думал... вероятно... Примерно в четырехстах километрах над поверхностью, – ответил он, неправильно поняв ее вопрос. – Там какая-то проблема с нашим разрешением на посадку. Уверен, мы скоро покинем орбиту.

Харрохак встала с мешочка с землей Дома – все равно сейчас в нем осталось одно напоминание о танергии – и подошла к тому месту, откуда лился свет. В последний момент она вспомнила, что у нее есть с собой, и вытащила плотную вуаль из недр своих священных одеяний. Обвязала ее вокруг головы и натянула поверх капюшон, от которого все еще пахло солями, заботливо собранными Круксом. Травяной, едкий, домашний запах, такой знакомый, что глаза снова начало жечь. Потом она выглянула в окно.

Из космоса Первый дом выглядел, как перевернутая шкатулка с драгоценностями. Окруженная белым сиянием планета, покрытая темно-синими, сверкающими, полными кислорода океанами. Планета воды, достаточно близко расположенная к огненному вихрю Доминика, чтобы вода не замерзла, но недостаточно близко, чтобы она иссохла. Зыбкий, изменчивый океан – повсюду, насколько хватало взгляда покрасневших, чешущихся глаз. Потом этот взгляд упал на собрание крошечных квадратиков, теснившихся вокруг сероватого центра.

Она вернулась назад к своему месту и поняла, что тревожно повторяет:

– Порой я что-то забываю... мне кажется, что я сплю.

– Это совершенно нормально, моя госпожа, – сказал он. – Возможно, я прав, полагая, что, по-вашему, меня могло удивить ваше... ваша немощь. – Когда она посмотрела на него, он явно почувствовал, что грохот и треск механизмов шаттла для него невыносимы, и начал традиционное для Ортуса отступление: – Ваше... так называемое... заболевание...

– Нигенад, говори нормально.

– Ваше безумие, – сказал ее спутник.

Она чуть опустила плечи. Он принял ее облегчение за эмоцию, которую она никогда не испытывала, – и он должен был это знать. Он рассеянно произнес:

– На самом деле единственным сюрпризом, если можно так выразиться... стало... нет, я не удивлен, госпожа Харрохак. Возможно, вы даже находите это полезным.

– Полезным.

Ортус прочистил горло. Это вызвало у нее очень много эмоций. Ортус прочищал горло, как будто извлекал меч из ножен, как будто пересыпал костяшки пальцев в кармане, будучи некромантом Запертой гробницы. Было уже слишком поздно: он принялся декламировать.

– Костяное безумие пало на Нониуса,
Могучего воина и последнюю защиту.
Опалило его жаждой смерти, и взревело
Его огромное сердце, подобно черной печи,
Возжаждал он трупов...

– Ах да, – сказала Харрохак, – книга шестнадцатая. Кстати, термин «костяное безумие» можно истолковать совершенно неверно...

Лучше смерть от обнаженного клинка, лучше смерть от костей. Существовал только один способ привести Ортуса Нигенада в состояние полного иступления, и она успела забыть, что этим злоупотреблять не стоит. Ортус чопорно заявил, что, по его мнению, никто из читавших «Нониаду» не может быть таким идиотом, чтобы неправильно воспринять такое простое и запоминающееся словосочетание, как «костяное безумие». Потом предположил, что такие люди, вероятно, вовсе не умеют читать, и больше склонны к неприличным журналам и гадким памфлетам, чем к сложным эпическим поэмам вроде «Нониады», и что он, Ортус, все равно не хотел бы, чтобы подобные личности читали его стихи.

– По крайней мере теперь у меня будет время закончить, – добавил он довольно мрачно, хотя эта мысль его явно порадовала.

Ее удивила только убежденность, с которой была высказана эта мысль. Она не стала говорить, что думала: что, даже если он прав, даже если Харроу меньше всего на свете хочет, чтобы Ортус болтался у нее под ногами, пока она будет изучать путь к званию ликтора, способ стать перстом и ладонью, единственный когда-либо открывавшийся перед ней божественный путь, позволяющий спасти Дом от разрушения, в котором она сама же и виновата. Ему все равно не стоило это говорить. Она надеялась, что он никогда не закончит свою поэму. Что в мире в принципе нет столько времени, чтобы ее закончить. Харрохак всегда считала, что Матфий Нониус, легендарный рыцарь ее Дома, был невыносимой сволочью.

– Харрохак, – сказал ее рыцарь. – Я бы хотел задать вам вопрос.

Он больше не казался скромным. Им овладела обычная напряженная грусть, хотя Харроу показалось, что здесь было и что-то еще. Какое-то время она смотрела ему в лицо. Он будет неплохим лекарством, если ее вдруг одолеет ностальгия. У него были типичные для Девятого дома глаза: почти черные, без переливов цвета, будто обведенные четким кружком по краю радужки – примерно такие же, как у нее. Ортус обеспокоенно спросил:

– Как вы думаете, что такое – быть ликтором? Их возраст, их вечность – тяготит ли он их? Главная ли это их беда?

Она снова удивилась.

– Нигенад, что за трагедия такая – жить мириады лет? Десяти тысяч лет хватит, чтобы узнать все, что стоит знать, прочитать все, что когда-либо было написано... учиться и вести исследования, не боясь преждевременного конца или забвения. В чем трагедия времени?

– Время может лишить человека смысла, – неожиданно сказал Ортус. Опустил глаза и добавил: – Я не жду, что это осознание вас раздавит, Преподобная дочь.

С тем же успехом он мог сказать: «Тебе семнадцать, соплячка. А я взрослый, мне тридцать пять».

Она не в первый раз пожалела, что не рискнула и не взяла с собой Агламену. В этом что-то было: ворваться в Первый дом с восьмидесятилетней старухой на буксире. Дерзко и уверенно послать всех на хер. Ой, у вас молодые рыцари? И что, они сражаются? Как старомодно! Как наивно! Но это был бы дерзкий и уверенный поступок по меркам Девятого дома. А ей приходилось признать, что представители Девятого дома мало что понимали в дерзости и уверенности.

– Нигенад, – сказала она. – Я – это я. Мне семнадцать. Но я уверяю тебя, что у меня множество достоинств.

– Я об этом прекрасно осведомлен, моя госпожа, – ответил Ортус.

Именно это он и должен был сказать. Но Харроу не понравилось, как он произнес эти слова.

– Что-то они нас долго тут выдерживают, – сказала она.

Она встала и резко дернула вниз плексиформовый барьер между их отсеком и пустым кокпитом. Она уже собиралась нажать на кнопку коммуникатора и поинтересоваться у пилота, в чем причина задержки и как он может ее объяснить, но вдруг увидела что-то, чего раньше не замечала – или его раньше не было. На одном из мягких кресел лежал листочек. Она взяла его и подставила слепящему свету, заливающему пассажирский отсек.

Чувствуя взгляд Ортуса, она перевернула листок. Его покрывали голубые письма. Тонкие линии кто-то провел с таким нажимом, что каждая буква местами прорывала бумагу.

ЯЙЦА, КОТОРЫЕ ТЫ МНЕ ДАЛА, МЕРТВЫ. ТЫ МЕНЯ ОБМАНУЛА.

Она протянула листок рыцарю. В шаттле стало тихо. Ни скрипа механизмов, ни рева труб. Свет сделался ровным и белым, он больше не двигался. Ортус изучил листок с одной стороны, перевернул, изучил с другой. Прочистил горло – Харрохак невольно вздрогнула и почти потянулась за листком.

Ортус сказал:

– Но тут ничего не написано, моя госпожа.

– Твою мать, – ответила Харроу.

6

Очнувшись, ты обнаружила, что сидишь.

Подбородок у тебя был прижат к груди, так что открывался великолепный вид на колени. Ты наконец слезла с койки. Нижняя часть стен и пол расплывались перед глазами пятнами черного камня, кости и стали.

Голова кружилась. Ты сразу же поняла, что не можешь двигаться. Твой беспристрастный разум взял верх, пока физический мозг орал, бегал и дергался, как плохо воспитанное животное (каким он и был). Беспристрастный разум оценил ситуацию и пришел к выводу, что ты сидишь в каком-то кресле, которое катят по коридору «Эребуса», что кто-то защемил шейный нерв в твоём спинном мозгу – вообще не затрагивая кости, манипулируя только плотью – парализовав тебя от шеи и ниже. Ты не могла поднять голову. Могла моргать, могла кое-как дышать и немного сглатывать. Во всех остальных отношениях ты была как мраморная. Поразительная некромантия. Ты с ума сходила от злости, но мастерство все же оценила.

С тебя так и не сняли красивый перламутровый плащ, лицо наполовину скрывал капюшон, а где-то под тканью похрустывали двадцать два письма. Меч лежал у тебя на коленях, толстая дряблая лента соединяла его рукоять с предплечьем. Ты не помнила, как создавала ее, но все же это очевидно была твоя работа. Возможно, ты уже приходила в себя раньше и успела спрятать письма под одежду и закрепить меч. Ты этого не помнила, но провалы в памяти случались у тебя регулярно. Иногда ты вроде была в сознании, но день проходил, словно во сне, и состоял из рутинных движений, функций и звуков. Лента, тянущаяся к рукояти, была не из мышечной массы – внутри ее виднелась костяная решетка. Никто не собирался торопливо отбирать у тебя клинок. Судя по всему, тебя вздернули вверх, кинули на кресло и отключили твое тело от шеи и ниже. Ты отстраненно понадеялась, что мочевого пузыря при этом не опорожнися.

Кресло остановилось. Ты услышала голоса и изо всех сил сосредоточилась на том, что происходило у тебя с загривком. Представила своего старого друга, зубовидный отросток второго шейного позвонка, который выступал из другого старого друга, шейного позвонка, представила костяные браслеты, которые обхватывали позвоночные артерии, представила множество суставов. Если бы это была простая магия кости, ты бы немедленно разгадала ее и распутала бы к хренам. Голоса сливались в один:

– ...это можно немедленно исправить, святая из святых, когда Князь закончит аудиенцию...

Это говорили прямо перед тобой.

– Встреча! Встреча!! – Подчеркнуть голосом, что восклицательных знаков больше одного, непросто, но второй голос справился. – Ты думаешь, у меня есть время на... на... есть лишний час, пока три генерала и твой воскреситель, бог мертвых царей, будут пытаться назначить новое совещание сразу после первого? Думаешь, я тут, чтобы сверять свои планы с тремя персональными ассистентами, шестью календарями и самим богом, который передумывает по девятнадцать раз?

Этот голос раздавался сзади и сверху. По всей вероятности, он принадлежал человеку, который толкал твое кресло.

– Священная длань, – сказал другой голос, – прошу меня простить. Это он приказал не трогать ее. Не было никаких допусков и никаких инструкций.

– Не было и возражений при заказе шаттла. Против моих планов никто не возражал.

– Приказ относительно Харрохак Нонагесимус был отдан им лично, священный палец.

– А мой приказ больше не считается приказом бога? – поинтересовался голос сверху. – Или я больше не ликтор Великого Воскрешения, не вторая святая на службе Царя Неумираю-

щего? Я утратила свое место среди Четверки – или, как я с ужасом обнаружила, Тройки? Разве я не последняя из тех, кто нес службу в склепе мертвых сестер, отдавших свои долгие жизни и свою верность за то, чтобы ваши вопящие дети и обсаженные микробами дети ваших детей могли купаться в лучах Доминика?

Другой голос помолчал. Сказал:

– Вы правы, – и добавил с ноткой мольбы: – Святейшая святая радости, прости меня, но я все же прошу подождать до окончания встречи.

Послышался вздох.

– Хорошо, – ответил голос довольно спокойно. – Все в порядке, лейтенант, я понимаю. Ты встречал только эту малышку да еще одного младенца. И никогда не видел ликтора. Ты не знаешь... даже если ты видел его, этого не хватает, чтобы понять...

Голос замолк, и человек, стоявший за твоим креслом, вышел вперед. Тебя даже немного заинтересовало, что же будет дальше, хоть и только потому, что ты не привыкла сидеть на лучших местах. Перед тобой был один нормальный человек – второй представлялся черной дырой, и теперь ты знала, почему, – и у этого человека были две почки. Внезапно из ниоткуда – по крайней мере, так зарегистрировали это твои чувства – возникли два коротких удара талергии... нет, не удара, они походили на стилет, на идеально нацеленный дротик, на шприц – и обе почки оказались насажены ангиотензином. Идеальный удар. Давление резко упало, тело офицера осело на пол, и кресло объехало аккуратную кучку человеческой плоти. Голос из-за кресла бормотал:

– Ужасно... кошмарно! Среди персонала «Эребуса» ни у кого нет ни капли здравого смысла. Говорила же ему сколько раз, менять их раз в десять лет... просто ужас. Мое присутствие должно приравняться к пожарной тревоге. Я не собираюсь ждать, я не хочу чая. Мне не нужно рабское подчинение, я хочу только понимания!

Если бы твой позвоночник работал нормально, от этого крика ты бы подпрыгнула. Кресло остановилось перед шахтой лифта, темные двери зашуршали, открывая радужную коробочку, и кресло въехало внутрь. Ты занималась тем, что аккуратно подергивала задний корешок спинного мозга. Ты было решила, что его оборвали – это было бы проще всего, – но тут же обнаружила, что его завязали узлом. Перекрутили несколько раз и добавили бантик.

Панель на стене тихо чирикнула электронным голосом, когда кто-то нажал на кнопку. Мимо прошуршала куча ткани. Ты не чувствовала ее телом, но до щеки донесся ветерок. А потом это существо опустилось перед тобой на колени. Сначала ты увидела мерцающую бледную ткань, белую с радужным отливом, возникающим под жарким светом и похожим на отражение цветного стекла во льду. Примерно такой же плащ был на тебе самой. Потом поле зрения почему-то сместилось вверх. Существо подняло пальцем твой подбородок, откинуло твою голову назад, чтобы ты увидела лицо.

Ты смотрела на ликтора. Ликтор смотрел на тебя.

Овальное лицо под льдистым разноцветным капюшоном казалось чопорным и невинным. Формой и чертами оно походило на лик святого или посмертную маску. Линии носа, челюсти, лба были тверды и чисты и напоминали о скучном безразличии статуй. Сначала в резком неприятном свете ты заметила цвета: волосы цветом походили на абрикос или мертвый цветок, кожа, губы и брови были того же оттенка. Перламутровый капюшон скрывал картину, написанную едва ли не в одну краску. А глаза...

До этого ты видела глаза ликтора только единожды. Ликторы сохраняли собственные лица, а вот глаза крали у кого-то еще. Тебе еще повезло, что твое собственное преображение оказалось не настолько разительным. Эти глаза были сонными, песочно-карими, местами их затягивало серое облачное марево, как будто красный ураган несясь по планете, рвал атмосферу, насыщенную красной пылью. Выражение лица плохо соответствовало этим сонным и довольно красивым глазам: лицо казалось отталкивающим и неподвижным – и не из-за спин-

номозгового нерва, как у тебя. Глаза смотрели прямо сквозь тебя, знали, что ты сделала, и давали тебе понять, что никогда тебя не забудут. Возраст не оставил своих следов в уголках этих прищуренных, побитых песчаной бурей глаз, но взгляд их был так же стар, как взгляд Крукса. Что-то во взгляде, которым она одарила тебя – уже после внимательного изучения, – тебя озадачило. А потом пришло негодование.

Она сунула палец под твой капюшон и стянула его вниз, на шею, чтобы изучить твоё лицо целиком. Разрешения она не спросила, чертов череп! Ты вспыхнула до кончиков ушей. Страх и унижение сформировали костяной крючок на суставной поверхности, желчный гнев потащил его вперед, дернул за петлю и рванул, распутывая твои нервы. Боль косой резанула по затылку, так что тебя чуть не стошнило снова – и стошнило бы, если бы ты давно не стала настоящей богиней блевотины. Ты разгладила нерв при помощи расположенных рядом мышц, втянула временный крюк в позвоночник, где ему было самое место. В результате все тело начало колоть крошечными, но острейшими иглами. Ты могла только дергаться, как рыба на крючке. Палец исчез. Штормовые глаза раскрылись чуть-чуть пошире. Чувство, появившееся на этом лице, было... не то чтобы тебе незнакомо. Но это не имело никакого смысла. Ты отбросила эту мысль.

– Тебе не нужно было этого делать, – сказала она, – ты могла порвать спинномозговой нерв и задохнуться.

Она посмотрела на твоё лицо и увидела то, что было там крупно написано. Недоверие. Она просто не могла понять, что ты сделала.

– Нет, я не могу тебя почувствовать, – ответила она на невысказанный вопрос, – но твоё тело для меня не составляет тайны. Возможно, я знаю его лучше, чем ты... дитя Девятого дома.

Ты непослушными руками надвинула капюшон, скрывая лицо.

– Сколько тебе лет? – внезапно спросила она.

Ты запрокинула дурацкую большую голову, чтобы снова взглянуть ей в лицо. По какой-то причине – а тебе не нужны были причины, ты отлично умела выдавать реакции без внешнего стимула – ты испугалась. И тогда вдруг Тело вышла из-за плеча ликтора и присела где-то у двери. Её милое мертвое лицо маячило чуть дальше лица ликтора. Она посмотрела на тебя золотисто-желтыми глазами, полуприкрытыми тяжелыми веками, и ясно сказала голосом Агламены – и твоей матери:

– Соври, Харроу. Немедленно.

– Пятнадцать, – сразу же ответила ты, надеясь, что твоя плоть тебя не выдаст.

– От зачатия или от рождения? – наредила она.

– От рождения.

То же самое чувство вновь отразилось на её лице, как будто темная рябь пробежала по потревоженной водной глади. Ты вся сжалась – и разжалась. И нестрашно, что она казалась черной дырой, что она не откликалась ни танергией, ни талергией. Достаточно было посмотреть на её плечи. Это было облегчение. Беспримесное, полное облегчение.

– Фу, – сказала она.

Лифт с грохотом остановился. Двери за ликтором раскрылись, она встала и посмотрела на тебя сверху вниз. Облегчение исчезло. Ощущение огромного расстояния между вами осталось.

– Я много раз спрашивала императора, почему он столько времени позволяет себе сидеть там, где он не должен даже появляться, – сказала она. – И причиной оказалась ты. Жалкий отброс Девятого дома, который никогда в жизни не совершил ничего... ты никто. Но он поступил странно. Я же сказала указать в письме возрастной ценз! Сказала, что иначе пришлют одних подростков. А теперь мы жнем то, что он посеял. Шипение. (На мгновение тебе показалось, что у тебя слуховая галлюцинация. Никто, проживший десять тысяч лет, да вообще никто, хоть сколько-то проживший, не станет произносить слово «шипение».)

– Ладно, у тебя три варианта. Ты прямо сейчас отправляешься со мной в шаттл, я тебя везу в кресле или тащу. Выбирай, недоросль. Подскажу: другая пошла сама.

Ты встала. Это оказалось непросто.

– Хорошо. – Она окинула тебя критическим взором: – Ты похожа на нетопыря, прилепившего в торт, тебя нужно подстричь как минимум дважды, но ты есть – будешь – была – дыхание божье и кости божьи.

Ликтор поправила твой капюшон и разгладила плащ на плечах. Ты мысленно поклялась за это однажды вырвать *ее* спинномозговой нерв. Потом посмотрела на меч, привязанный к твоей руке. Под его весом – и от усталости – ты сгибалась чуть ли не вдвое. По ее лицу было совершенно ясно, что она об этом думает, но она видела твое голое лицо и, кажется, что-то там прочла. Возможно, твои планы на ее спинномозговой нерв.

– Ты не такая хорошенькая, как Анастасия, – вот и все, что она сказала.

Теперь Преподобная дочь вела себя скорее как рыцарь собственного Дома, чем как его некромант. Ты кряхтела, как скелет, под весом своей ноши и тащила за ликтором. К счастью, тебе хотя бы не было стыдно. Гордость быстро превращалась в подобие далекой планеты, где ты когда-то бывала, но уже позабыла все детали. Ликтор вела тебя в стыковочный отсек, где кипела жизнь. Колонка запоздало прохрипела:

– Наша госпожа святая радости почтила своим присутствием стыковочный отсек четырнадцать, – но это никого не заставило разбежаться по сверкающим костю и сталью туннелям корабля. Наоборот, все принялись вдвое быстрее заниматься своими делами.

Их дела заключались в основном в подготовке шаттла. Он был невелик. Примерно такого же размера, как те, в которых привозили в Девятый дом нити накаливания и витаминные добавки. Из команды там был обычно один пилот, который выглядел так, как будто оказался на этой работе, проиграв пари. В шаттл таскали ящики. Ты отвлеклась, почувствовав вокруг биение сердец и натяжение мышц, ток молочной кислоты – люди складывали контейнеры и ящики или грузили их по местам. В верхней части пандуса на перевернутом контейнере, окруженная опалесцирующими юбками и атмосферой мрачной сварливости, восседала Ианта. Она смотрела на хвост шаттла, а не на тебя. Среди мешков и ящиков она высилась, как колонна.

– Ладно, – сказала святая радости, – давай быстро лезь туда и сиди тихо. Не двигайся, никому не мешай, просто сиди и будь хорошей девочкой.

Офицеры Когорты отдавали Ианте честь, проходя мимо нее по пандусу. Ты заметила, что те из них, что воняют танергией, целуют кончики пальцев жестом, который ты не узнала. Пока ты тащила свое непослушное дурацкое тело по отсеку и забиралась по пандусу, ты радовалась, что тебе такие почести не положены. В очередной раз тебе, некромантке Девятого дома, дали личное пространство.

Внутри было тесно, как ты и подозревала, и до ужаса просто. Тебя немедленно поразили объект внимания и открытого восхищения Ианты. Перед задней стенкой шаттла присела некромантка Когорты, некромантические миазмы над ней сияли, как факел. Здесь не было никакого топлива для совершения некромантии, она находилась в глубоком космосе и не была ликтором. А она клала финальные мазки на изысканное заклинание обнуления, алое и липкое от ее собственной крови, которую она выкачивала длинным шприцем. Эта работа была бы сложной и тяжелой, даже будь у нее доступ к танергии. Рукава рясы были закатаны до плеч, чтобы ткань не коснулась узора и не размазала его. Ты заметила ленты Дома – бледного цвета морской волны.

Ианта увидела тебя и вздрогнула. Не успела ты обрадоваться, что хотя бы один ликтор способен тебя испугаться, как она подвинулась и освободила тебе место на своем контейнере. Тебе этого не хотелось, но ты уселась на уголок, пытаясь как можно плотнее свести колени, чтобы не коснуться ее. Сегодня – сколько времени прошло, кстати? – ее глаза были белесоголубыми, с аметистовыми искорками.

– Я так вижу, ты познакомилась с нашей уважаемой старшей сестрой, – сказала Ианта, – она обвинила меня в том, что мне двенадцать, назвала меня анимафилиаком, а потом сказала, что я не такая красивая, как некто по имени Кир. Как будто с мамой поговорила, – добавила она с некоторой тоской.

Твоя ладонь вспомнила прикосновение ножа, и болтать тебе не захотелось.

– Где император? – спросила ты.

– Не знаю, и мне никто ничего не говорит, – злобно ответила она. – Все ведут себя ужасно глупо, и я не могу их за это винить. Я бы так же повела себя, если бы меня изгнали из числа личных помощников императора и отправили на передовую. Но что толку быть Иантой из Первого дома, если я даже не могу этим воспользоваться.

Ты рискнула бросить быстрый взгляд на некромантку Когорты, но адептка Седьмого дома не обратила на тебя внимания. Ты поняла, что ее заклинание, во-первых, мастерски сделано, во-вторых, весьма красиво – она была настоящей художницей, – а в-третьих, выглядит очень знакомо. Призрачное заклинание. Ты попыталась вернуться к словам Ианты и понять заключенный в них приказ. Это было непросто, потому что все, что ты знала о Когорте и передовой, могло бы уместиться в чайную ложку. Даже эти знания тебя скорее раздражали, но что-то из сказанного ею зацепило твой вялый гипоталамус.

– Бред какой, – сказала ты, – императорская гвардия не принимает участия в боевых действиях.

– Ой, солнышко, ты же не знаешь. Да и откуда? Никто тебе не сказал, ты была слишком занята, то блевала, то убивала. Понимаешь ли, Нонагесимус, они вполне себе принимают участие в боевых действиях, когда Когорта внезапно теряет три военных корабля из-за орбитальных радиационных ракет. Это на три корабля больше, чем мы потеряли за последнюю тысячу лет, – пояснила Ианта. Если бы можно было по-настоящему раздуться от самодовольства, она бы надулась и лопнула – насмерть. Но ты почему-то даже не разозлилась, а только почувствовала себя ужасно усталой.

– Восемнадцать тысяч мертвых солдат привлекут внимание... Короне это понравится. Она обожает похороны с военными почестями.

Испытать сочувствие было непросто. У тебя не было никого на передовой или даже в Когорте. Последние капелланы Девятого дома и адепты-строители, если тебе не изменяла память, пали в бою пять лет тому назад. Цифры были просто цифрами, им не хватало контекста. Тебя больше интересовал разговор, происходивший у люка шаттла, перед пандусом. Незнакомый голос твердо говорил:

– Высокочитимая святая, «Эребус» – его корабль. Я говорю от имени всех офицеров на борту. Мы не хотим прерывать его восьмидесятилетнее пребывание здесь.

– Восемьдесят лет!! – был ответ, опять со вторым восклицательным знаком. Крайне вспыльчивый ответ. У святой был высокий звенящий голос, очень молодой для человека, который обвинил тебя и Ианту Тридентариус в том, что вы только переживаете половое созревание. Сейчас он звучал пронзительно.

– Восемьдесят лет, позор! Ты знаешь, что было написано на стене, когда был кинут клич новым ликторам. Его престол – повсюду, и он должен вернуться туда, и должен был вернуться тридцать лет тому назад. Ты нынче адмирал, Сарпедон? Правда? Сарпедон?

– Да, – ответил адмирал, чье имя ликтор произнесла примерно как «главный прокаженный». – И прошло... двадцать лет после нашей последней встречи, самая чтимая святая, так?

– Около того, – согласилась самая чтимая святая, чей титул был произнесен адмиралом с тончайшим и учтивейшим намеком на презрение. – В любом случае с вами он уже восемьдесят лет, а Митреум обходится без него все сто.

– Вы обрекаете престол на молчание, – сказал Сарпедон, – вы крадете его у империи.

– Я не могу гарантировать тронную речь. Мы будем в сорока миллиардах световых лет отсюда.

Адмирал сказал голосом, напоминающим звон льдинок:

– Он в самых недвусмысленных выражениях высказал, что у него есть личный интерес в этой войне.

– Он прекрасно может сохранять свой личный интерес, находясь в сорока миллиардах световых лет, – отрезала святая радости, которая только что утверждала обратное. Ее имя вдруг показалось тебе до крайности ироничным.

– Я не постыжусь увести императора прочь от врагов. Я не постыжусь того, что бог Девяти домов будет находиться вдали от тех, кто его ненавидит.

– Я не могу представить подобную слабость ни в боге, который стал человеком, ни в человеке, который стал богом, ни в Первом владыке мертвых, который может воскресить галактику мановением руки.

Ликтор еще повысила голос:

– Звезда Доминика дает свет и жизнь Девяти домам, но это не значит, что мы должны все кидать в его топку! Ты вымотал мне последние нервы, Сарпедон, и я прекрасно помню времена, когда на твоём мундире было меньше звездочек, так что будь любезен, не воображай, что ликтора можно...

С другой стороны четырнадцатого грузового отсека донесся крик. Это был голос человека, который стал богом, и бога, который стал человеком. Он устремился к пандусу, прямо к святой радости. Ианта почмокала губами, как будто предвкушала вкусную еду, и издала звук вроде «мням-мням».

Но император обнял своего ликтора, как будто она была любимым сбежавшим ребенком, прижал ее к себе, откинул капюшон и взъерошил волосы цвета перезрелой розы. Он не обращал внимания на офицеров Когорты, которые кланялись, когда он проходил мимо. Ликтор замерла, будто ее погрузили в жидкий азот. Он сказал что-то, чего ты не услышала, а потом добавил:

– Спасибо тебе за работу, ты очень хорошо справилась.

Святая радости держалась очень прямо и неподвижно, как будто ее ноги прибили к палубе стальными штырями. Император Девяти домов повернулся к адмиралу, который чуть не рухнул на колени, положил руку ему на плечо и тихо заговорил. До тебя долетали только отрывки:

– ...Нет смысла торопиться в пояс. В этом направлении из-за Доминика будут проблемы, лучше идти этим маршрутом в другую сторону... сублюминальной скорости довольно. Когда ты доставишь товары, иди путем стелы из суперкластера и объединяйся со вторым крылом флота. Нужно идти чуть медленнее, чем в последние две недели...

– Вы покидаете нас, господин, – сказал Сарпедон. Он чуть передвинулся, так что теперь ты видела его целиком. Твой новый капюшон, в отличие от хорошей плотной ткани, которую использовали в Девятом доме, был довольно прозрачным. Сквозь него ты видела достаточно ясно, пусть радужные колебания и затуманивали взгляд. Ты разглядела стареющего мужчину в строгой форме Когорты, в безупречно белом мундире с алым шейным платком. На воротнике виднелись две звездочки, окруженные перламутром.

Если бы ты не слышала его звания, то и не поняла бы, что они означают. Некромантические испарения поднимались от него волнами, как пот, но в глубинах космоса они были бессмысленны и жалки.

– Боюсь, я не был к этому готов.

– Меня самого это не радует, адмирал, – сказал бог, – «Эребус» был моим домом.

– Мы недостойны такой любви, – холодно сказал адмирал.

– Это я недостоин того, чтобы обо мне жалели, – заявил Царь Неумирающий. – Я планировал кое-что сообщить вам. Что ж, сообщу сейчас, быстрее и грубее. Не впадайте в драму вместе с командованием Когорты. Я точно знаю, кто стоит за этим ужасным ударом, и они были идиотами, потому что продемонстрировали свою силу. Они грубы, глупы и инфантильны, раз совершили такое. Но наше возмездие не должно быть быстрым. Пусть они поймут неотвратимость мести Девяти домов.

– Она неизбежна, как смерть, – сказал адмирал.

– И так же добра, – добавил император, – ты доказал свою верность, Сарпедон, и я никогда не ставил ее под сомнение. Я отдыхал тут, на «Эребусе». Но, полагаю, тебе это уже сказали...

(Святая радости дернулась при этих словах или тебе показалось?)

– ...«Эребус» нужен в другом месте, а я должен быть повсюду.

– Но, господин, идти без эскорта... на транспортном корабле, который с помощью стелы доберется до хадаальной зоны только через два года...

– Восемнадцать тысяч хороших солдат, – мягко подчеркнул император. – Отдай «Эребус» им. И дай ему новое имя «Императорский престол».

– Мой господин...

Святая радости что-то прошептала себе под нос. Император и глазом не моргнул.

– Да, я понимаю, что командовать престолом – довольно скромное занятие. Но я не позволю адмиралтейству забыть, чем был этот корабль и чем он, надеюсь, будет снова. В любом случае это имя даст тебе преимущество в очередях на орбите, даже если меня на борту не будет. Я стану невероятно скучать, Сарпедон, но у него броня толще, чем у любого корабля в нашем флоте, а после перестройки он сможет перевезти две тысячи...

– Но, господин...

– А что до тебя... твои кости будут освящены в Митреуме. За все, что ты сделал для меня. Если я не увижу тебя до этого, мне остается только надеяться, что ты успеешь выйти в отставку.

Император Девяти домов протянул Сарпедону руку. Адмирал Когорты выглядел так, будто его только что заклеямили. Император долго держал его за руку и смотрел ему в глаза, потом отвернулся и пошел по пандусу. Его длань не слишком охотно последовала за ним.

Когда он подошел ближе, ты увидела, что он собирался в спешке. Через плечо висела небольшая, кое-как собранная сумка, вечный планшет выглядывал из кармана вместе с примерно пятью стилусами. Одет он был просто, как всегда, в черную рубашку и брюки. Отсутствие ярких цветов всегда тебя радовало. Он выглядел очень по-Девятому. Даже воротничок и манжеты у него были потерты от долгого ношения. Но сегодня на нем была корона, которой ты раньше никогда не видела. Венок из лент и переливчатых листьев поблескивал в темных волосах и тихонько потрескивал в безветренном отсеке. Листья переплетались с детскими косточками того же размера. Он прошел по пандусу мимо тебя и спросил самым обычным голосом, как будто ты никогда не рушилась перед ним на палубу в лужу блевотины.

– Ты в порядке, Харрохак?

– Я готова ко всему, учитель, – сказала ты.

– Это не одно и то же, – заявила Ианта, довольно похоже изображая обаяние. – Я присмотрю за ней, учитель.

Ты с отвращением услышала ответ бога:

– Хорошо, присмотри. А теперь...

Он обернулся и увидел, что прекрасное заклинание красуется на стене, а адептка Седьмого дома умирает, лежа на палубе. По груди у нее текла кровь: в какой-то момент она слишком глубоко засунула шприц в подключичную артерию. Закончив с идеальной кошмарной спиралью – ни один штрих не выдавал того, что его наносили дрожащими от боли руками, – она

успела брызнуть сверху фиксатор и тихо рухнула. Она лежала, устремив глаза в потолок, сцепив руки над быстро увеличивавшимся пятном на груди. Ее ряса краснела от крови, будто adeptка принадлежала ко Второму дому.

Император пробормотал что-то, что прозвучало как «ты могла бы поклясться в этом камнем Гробницы», но прозвучало как «ну мать твою». Поколебавшись мгновение, он прижал ладонь ко рту, будто задумался. Последовавшая вспышка ослепила тебя – мгновение ты ничего не могла разобрать или понять.

Пятно крови засохло и рассыпалось пылью. Поток остановился. Руки adeptки лежали на чистой рясе. Остекленевшие глаза, ждавшие конца, сделались живыми. Она перевернулась и поцеловала пыльную палубу шаттла. Вы с Иантой моргали, из глаз и носа у вас текло, как будто вы только что съели что-то острое.

– Святейший господь, – сказала она, но в этом почти не было вопроса.

– Не сегодня, старший лейтенант, – ответил бог, – сейчас нам как никогда раньше нужны такие некроманты, как ты.

Она поцеловала пальцы механическим жестом, потом обратила то же приветствие к святой радости, потом к Ианте, а потом, после паузы, даже к тебе, с полдюжины раз. А потом еще поклонилась, сложившись почти вдвое. Затем выпрямилась и побежала вниз по пандусу, грохоча сапогами. Вскоре от нее осталось только огромное заклинание на стене. Святая радости смотрела ей вслед с непонятным выражением на постном лице.

Теперь, когда на борту оказались еще два человека, ты поняла, насколько мал на самом деле шаттл. Слева от тебя виднелся отгороженный отсек для отправления телесных функций – любой другой человек в известной вселенной назвал бы его туалетом, – но, кроме этого, в шаттле не было ничего. Ни коек, ни кресел для пассажиров, разве что пара откидных сидений по бортам. Ящики, занесенные внутрь, были совсем небольшие. Больше всех оказался квадратный камень, перехваченный стальным тросом. Теперь, когда он стоял тут один и без маленькой розочки, ты не сразу поняла, что это саркофаг. И еще секунду соображала, чей именно.

Справа располагался кокпит с пустым сиденьем для единственного пилота. Оно было застелено роскошным платком из вышитого перламутрового материала, и вдруг твой мозг вздрогнул, и ты поняла, что в кокпите вовсе не пусто: на радужном платке устроилась Тело, скромно положив руки на колени. Цепь рубцов на руках виднелась очень ясно. Суровые благородные линии ее лица смягчились, будто она узнала кого-то, губы были чуть приоткрыты, и между ними виднелся мертвый черный язык. Ты проследила ее взгляд – она смотрела на вход и на императора.

Император нажал кнопку у двери, пандус втянулся в шаттл с громким механическим хлопанием. Потом повернулся к ликтору и сказал крайне кислым, лишь чуть-чуть приправленным сладостью тоном:

– Это выглядит так, будто ты пыталась манипулировать мной.

– Господин, я бы не осмелилась...

– На моем флагмане, моему адмиралу, среди моих людей. Точно ли «Эребус» – лучшее место, чтобы публично унижать своего императора, Мерси?

Она возрилась на него. Гладкий холст ее лица сморщился и исказился от гнева. Ты-то думала, что десяти тысяч лет хватает, чтобы научиться владеть лицом, если тебе в принципе это нужно. Видимо, нет. Или Мерси не утруждала себя учением.

– Единственная, кто пытался манипулировать тобой, летит домой вместе с нами. В гробу, – выкрикнула она. – И не смей называть меня по имени при детях! Мы решили, что наши имена священны, мы позволили их забыть...

– Мерсиморн, – сказал император. – Ты не хуже меня знаешь, что скрывать собственное имя от своих праведных сестер странно. Кроме того, ты пытаешься поссориться со мной, чтобы я забыл о другом поводе для ссоры. Эта тактика годится для семейных скандалов.

- Ты почти на орбите Доминика, это самоубийство...
- Ты знаешь, почему я здесь, и мои причины не...
- Их можно назвать безумием, эгоизмом или...
- И кто же может их так назвать? И не рифмуется ли его имя с «Нерсинорм»?
- Оно рифмуется с «Навгустин», – высокомерно ответила святая радости.

Лицо императора Девяти домов вдруг осветилось, как будто на маленькой планете внутреннего круга наступил рассвет.

- Значит, ты снова разговариваешь с Августином из Первого дома?

Мерси воздела руки и замахала ими, будто доила огромную невидимую корову. Этого не хватило, чтобы выразить ее чувства, поэтому она села на другой ящик. Уперла подбородок в ладони. Рапира позвякивала под радужно-белым плащом при каждом движении.

– Мы разговаривали, – холодно и размеренно ответила она. – Всего девятнадцать лет назад, если ты помнишь. Даже если мы заговорим сейчас, это не будет иметь значения, поскольку разговоры и общение – разные вещи. И нет, я не готова общаться с существом, о котором ты говоришь. Тем не менее твои действия заставили меня заговорить с этим глупым червем в человеческом обличье, и я прибыла сюда, чтобы взять все в свои руки. – Он не успел ответить ни слова, как она продолжила: – Никто не отвечает на призывы Митреума. Вернись домой, пожалуйста!

- Но...

- Нас осталось трое, – просто сказала ликтор. – И я не уверена, жив ли третий.

– Он контролирует... – начал император и, кажется, хотел объяснить, что именно там контролируется, но тут заметил, что вы с Иантой сидите тихо, ожидая, когда эта жуткая беседа прекратится (ты), или отчаянно мечтая о подробностях (Ианта). Он положил свою маленькую сумку – ты в панике подумала, что она оказалась прямо на коленях у Тела. Она бесстрастно поглядела на него, потом, потрясенно, на сумку. Он сел на пол рядом со своим мрачным ликтором.

Дальше последовала беседа, больше похожая на стенографическую запись. В какой-то момент они просто пару раз пожали плечами. Он говорил слово, она отвечала совершенно другим словом, император кривился или резко возражал. Один раз резкое возражение имело вид усмешки, и ликтор отвернулась, проиграв этот раунд. Ты смотрела на двух людей, которые все обговорили тысячу лет назад. Это походило на разговор между ладонью и локтем, мозгом и сердцем – они обменивались электрическими импульсами. В какой-то непонятный момент они вернулись к нормальному разговору, и бог сказал:

- Я собирался подождать на «Эребусе», пока мы не узнаем точно, был ли запуск...

– Мне плевать, они это или нет! – шмыгнула носом святая радости Мерсиморн (теперь у нее было два совершенно неподходящих имени). – Это отбросы. Они ни на что не способны. Их лидер погибла почти двадцать лет назад. Надо правильно расставлять приоритеты.

- Но это же очевидно...

- Господин, вспомни, что стоит на кону! – сказала ликтор.

– До Митреума можно добраться только одним способом, – сказал бог с таким видом, будто вытаскивал последний кирпич из фундамента колеблющейся башни. – Будучи в здравом уме, я не могу взять ни одну из них в это путешествие.

Ты испугалась, что «ни одной из них» он поспешно заменил имя «Харрохак». Старшая ликтор не развеяла твои страхи, когда посмотрела на него бездонными гневными глазами и сказала:

– Если ты не уверен в... ком-то из них, тогда высади их немедленно! Они не станут благодарить тебя за сохранение жизни! Это единственное испытание, которое имеет значение! Спасибо!

Император Девяти домов встал. Его ликтор тоже встала. Ее рука отбросила в сторону полу роскошного плаща и легла на рукоять скромной рапиры. Плотная сетка окружала простенькую рукоять без единого украшения, если не считать белого шарика на самом конце... ты не знала нужного термина. Яблока, кажется.

– Готовьтесь к запуску, – сказал он. – Я сообщу.

Ты каким-то образом поняла, что Мерси выиграла это сражение.

Со странной смесью облегчения и жестокого, злобного стыда Мерси встала и наклонилась над креслом пилота. Поцелкала переключателями, едва не задев Тело. Переключатели двигались с приятным сочным звуком, на потолке зажглись лампы, заливая всех неприятным оранжевым светом.

Ни высота, ни ритм голоса бога не изменились, но все же он стал другим. Будто из мягкого чехла достали сталь.

– Проверь те ящики, – велел он. – Закрепите их ремнями, поплотнее и получше. Ианта, ремни у того иллюминатора. Харроу, отцепи этот меч от себя и прикрепи к полу. Воспользуйся костью. Не согни его и не сломай.

Вы с Иантой принялись крепить контейнеры. Ты неохотно расплавила костяную нить, скреплявшую меч с твоей затекшей рукой. Подумала и сделала то, что велела самой себе в письме: закрыла клинок чехлом из кости. Результат оказался очень приятным для глаз и для мозга. Скрыть гнев меча до конца ты не могла, но в таком чехле он – объект твоего негодования, ненависти и паники – казался приглушенным. Как абажур приглушает свет лампы.

После этого ты села на откидное сиденье рядом с Иантой и застегнула ремень безопасности. Босыми ногами ты касалась покрытого костью меча и смотрела, как бог в последний раз проверяет металлические застежки и пряжки на ящиках. Он легко погладил толстый камень гроба, задержал руку на долю мгновения, а потом остановился перед заклинанием, сиявшим на стене. Прижал кончик мизинца к одной из спиралей, очень осторожно, как будто пытался ее испортить. Венчавшие его кости нерожденных младенцев и листья заколебались на невидимом ветру.

– Великолепная работа... почти идеальный уровень углекислого газа в фиксаторе, – сказал он, доставая стилус из кармана. – Она была слишком хороша, чтобы умереть из-за этого, Мерси.

– А я не велела ей умирать, – огрызнулась Мерсиморн. Внезапно открытая дверь шаттла щелкнула и начала со скрипом опускаться, занимая то место, где раньше был пандус. С громким стуком она рухнула на свое место.

– Вовсе не нужно было рвать себе аорты. Команда твоих жутких флагманов вечно пытается принять мученическую смерть, даже если попросить у них апельсинового сока.

– Я велел Сарпедону объявить ей благодарность, – сказал он, постукивая по планшету, – но вряд ли это достаточная награда тому, кто чуть не истек кровью.

Коммуникатор у кресла пилота захрипел. Послышался голос адмирала:

– Мой господин, вы можете лететь. Ждем вашего слова.

– Открывайте крепления, – сказал император.

– Есть, – ответил адмирал Сарпедон, потом кашлянул и начал произносить то, что ты теперь считала обычной молитвой: – Царь Неумирающий, искупитель смерти, бич смерти, защитник смерти, взгляни на Девять домов и услышь их благодарность...

Постепенно послышались металлические голоса всей команды отсека.

– Да верит себя ему вся вселенная...

Ты посмотрела в иллюминатор у себя за спиной. Темноватый четырнадцатый отсек осветился, там открывали какой-то внешний шлюз, а шаттл полз по направляющим, готовясь выброситься в открытый космос, будто жертвуя собой. Открылась бархатная чернота окружающего мира, ледяные звезды горели где-то вдали.

Тело вдруг встала рядом с тобой, и тебе пришлось напрячься, чтобы не потянуться к подолу ее грязной белой сорочки, к бледной рыхловатой плоти ее ног. Ты уезжала неизвестно куда и не понимала, что чувствовать.

Ианта скромно потупилась, как будто это дурное актерство способно было убедить хотя бы одно мыслящее существо. Под плащом у нее виднелась рапира – временами она высывалась из-под перламутровой ткани. Поймав взгляд из-под бледных ресниц, ты увидела в нем жгучее предвкушение. Один глаз был голубой, второй – фиолетовый. Она выглядела как человек, ожидающий награды. Она очень волновалась. Звездный далекий взгляд остановился на тебе, и она робко прошептала:

– Может, возьмемся за руки в знак женской солидарности?

Увидев твой взгляд, она сдула с лица прядь бесцветных волос и заметила:

– Это ты облизала мне гланды.

Перекрывая молитву, трещащую из колонки, Мерси сказала:

– Стартуем через тридцать секунд.

Император добавил:

– Не надо триангуляции. Мы не хотим подвергать никого опасности. Будем держать курс, пока «Эребус» не окажется вне зоны досягаемости.

Тело исчезла. Он взял красивый радужный платок и накинул на спинку кресла пилота. Мерсиморн уселась в кресло и застегнула ремень. Маленькие кусочки костей над окном музыкально зазвенели, когда воздух стал уходить. Император стоял за спиной Мерси, положив руку на спинку кресла, при каждом движении стилусы у него в кармане тоже позвякивали. Он наклонился и нажал на кнопку коммуникатора. Молитва оборвалась, будто все молящиеся разом задохнулись.

– Наши враги вновь подняли руки на тех, кто должен был жить с ними в мире, – сказал он. – Мы вновь нарушили завет, и вновь на нас обрушились страх и гнев тех, кто не умеет думать и не может простить нас за то, кем мы являемся. Вы, служившие на «Эребусе», мои солдаты и некроманты Девяти домов. Если вы окажетесь на поле брани, помните, что даже умирающее эхо вашего сердца я превращу в оружие. Последнее движение вашего мертвого языка станет боевым кличем. Я вспомню вас, когда вы призраками будете плавать в воде, и моя память превратит вас в богов. Если вы умрете, сама ваша кровь станет стрелами и копьями. Помните, что я – Царь Неумирающий.

Он снял руку с кнопки, оборвав дикий торжествующий крик слышавших его людей. Ты с болезненной ясностью чувствовала вспышки талергии – то есть офицеров Когорты в отсеке – десять вспышек собрались всего в сорока метрах от тебя. Слишком близко, чтобы делать что-то полезное для шаттла. Может быть, они молились? Поодаль стояли и другие. Стояли ровной линией, внутри их текла кровь и кипела кишечная флора. Кажется, они обеспечивали работу механизмов. Когда крепления, удерживавшие шаттл на месте, открывались, раздавался глухой звук.

Двигатели за изрисованной кровью стеной взревели громко и сухо, вспышки талергии начали отдаляться, шаттл катился по шлюзу, по длинным направляющим из стекла и плексигласа. Мерси дернула рычаг вверх, сосредоточенно наморщила нос... и тут талергия исчезла. Вы оказались в космосе. В шаттле не было никого, кого ты могла бы почувствовать и прошупать, если не считать единственного сгустка танергии, тихо лежавшего в гробу. Выглянув в иллюминатор, ты увидела «Эребус» и впервые осознала, насколько огромен флагман, впервые увидела, как переливается и мерцает его темная, с радужным отливом броня, похожая на разлитую нефть. Соединительные скелеты виднелись по всему громоздкому корпусу, так что корабль походил на огромный передвижной оссуарий. Когда он завел двигатели, вспышка света обожгла тебе глаза.

Искусственная гравитация обеспечивала отсутствие всякой тряски, но тебя все равно мутило при мысли, что вы кувыркаетесь в открытом космосе, как потерянный грузовой контейнер.

– Внимание, дети, – сказал бог.

Тебе приглашение не требовалось. Император барабанил пальцами по спинке пилотского кресла, и его внимательные черно-черные глаза смотрели куда угодно, но не на тебя.

– Слушайте меня очень внимательно, обе, – сказал он. – Митреум далеко отсюда, и наш маршрут будет не самым обычным. Я преподам вам первый урок, и этот урок ляжет в основу самого важного из уроков, которые вам предстоит постичь в роли ликторов. Еще будет время задавать вопросы, будет время пробовать и ошибаться. Но сейчас вы должны сделать в точности то, что я скажу. Единственная альтернатива – разрушение ваших тел.

Это тебя не смутило. Ты была дочерью Запертой гробницы. Вероятность разрушения тела сопровождала тебя с трех лет. Ианта, голос которой дрожал от еле сдерживаемого волнения, сказала:

– Я думала, тут будет стела.

– Стела имеет в высоту восемь футов, покрыта надписями на мертвых языках, вырезанными особыми адептами Пятого дома, и постоянно купается в оксигенированной крови, – заметила Мерсиморн с кресла пилота. – Я имею в виду, что, будь она на борту, ты бы быстро ее заметила.

– Спасибо, старшая сестра, я очень люблю поучения, – ответила Ианта.

– Там, куда мы направляемся, нет обелисков, на которые можно было бы нацелить стелу, – сказал император, прекративший барабанить пальцами по креслу (после того, как ликтор мрачно сказала своему богу: «Вообще-то это здорово раздражает»). Теперь он все время поддерживал потертый рукав.

– Я проведу вас обеих через Реку.

Вероятно, на ваших лицах отразилось полное непонимание, потому что он рассеянно добавил:

– Это единственный способ. Путешествие со сверхсветовой скоростью оказалось ловушкой... по крайней мере, в том виде, в каком оно существовало изначально. Этот способ что-то испортил во времени и пространстве и стал непригоден для любых добрых целей...

– Я всегда полагала, что червоточины решили бы эту проблему, – сказала святая радости, выделявая что-то непонятное с переключателями, – или пространственное расширение.

– Вместо этого мы придумали стелу и обелиск, которые имеют к путешествиям гораздо меньше отношения, чем к... переносу. Но в будущем могут возникнуть случаи, когда вам придется отправиться туда, где не будет обелиска. Или, может, вам придется исполнять священный долг ликторов по установке обелисков. А для этого нужно переходить через Реку. Мне нравится описывать это как спуск в колодец.

С кресла пилота донеслось фыркание.

– Учитель, – сказала Мерси, – это река. Идеальная водная метафора уже готова, не нужно выдумывать.

– Мне нужно как-то выразить идею двух глубин, и я не хочу запутывать их идеей скорости там, где нет...

– Это Река. И поэтому просто скажи: «Представьте себе реку...»

– Мерси, либо тебе нравится моя предыдущая идеальная фраза про реку, либо нет. Выбери.

– Я не буду помогать тебе с надречными путешествиями, спасибо за предложение, господи, – сказала Мерси.

– В этом конкретном случае, хотя «надречный» – идеальное слово, потому что оно привлекает внимание и полностью описывает явление, давай отойдем от него, – ответил господин

Девяти домов, который явно был не против перемен в расстановке сил. – Использую метафору Кассиопеи.

– Господи, только не лава, – буркнула Мерси.

– Девочки, представьте себе каменную планету с магматическим ядром под мантией. Путешествие по ее поверхности от одной точки к другой может занять год. Но если вы достаточно хорошо понимаете суть своего путешествия и относительность пространства, то можете нырнуть в магму, которая отнесет вас в нужное место за час.

Он помолчал. В шаттле было очень тихо: приборы не жужжали, разве что порой громко трещало рулевое перо. Голос Ианты нарушил механическую холодную тишину, произнеся (довольно вежливо для Ианты):

– Учитель, Река – это огромное лиминальное пространство, созданное магией духов и населенное безумными от голода призраками.

– Да, метафора магмы тут не работает, – вставила Мерси, не отрывая взгляда от приборной панели.

Император ответил очень серьезно:

– Давайте представим, что магма населена бессмертными магматическими рыбами-людоедами. При этом возникают две проблемы. Во-первых, существа из плоти и крови умирают, как только погружаются в магму. Во-вторых, рыбы-людоеды очень опасны.

Если бы он не был богом, вряд ли бы ты согласилась слушать про магматических рыб-людоедов. Но он был богом по природе своей, как ты думала еще примерно шестьдесят секунд. А потом он добавил, уже тише:

– Мы собираемся миновать примерно сорок миллиардов световых лет и оказаться там, куда мы впервые сбежали... я и еще шестеро. Один из нас был уже мертв, а второй вышел из игры. Нам нужно было место, чтобы зализать раны, оказаться как можно дальше от всего, что мы любили, подождать, спрятаться... не боясь того, что обращенный на нас взгляд пронзит по пути все девять домов. Это темный, холодный и неприятный участок космоса, звезды там стары и почти мертвы. Мы накачали их танергией, и теперь они будут сиять вечно, но свет их изменился. Если бы мы путешествовали от стелы к стеле, мы добирались бы туда несколько лет. Мерси, как далеко от системы находился Седьмой номер при последнем счислении?

– Пять лет, – ответила Мерсиморн, руки которой наконец-то спокойно легли на панель с кнопками, переключателями и костями. – Пять лет, шесть месяцев, одна неделя и два дня.

– Одно крошечное мгновение, – прошептал император и отодвинулся от кресла пилота. – Некоторое время назад мы выяснили... я говорю «мы», но на самом деле я мало отношения к этому имею... что расстояния там различаются. Река не течет сквозь пространство-время, в которых мы существуем сейчас. Река... она течет под нами, как в метафоре с магмой. Расстояние по Реке не совпадает с расстоянием наверху. Если я погружу нас прямо сейчас, мы сможем почти мгновенно вынырнуть на другом краю вселенной, дома. На станции, которая служила нам убежищем. Мы зовем ее Митреумом.

Он раскинул руки. Самые обычные руки с обычными пальцами и ногтями в чернилах.

– Посмотрите на заклинание. Что это?

Ты начала запоминать его учительский тон. Эта ситуация была тебе знакома – тут не было непонятной магмы. Заклинание слегка плыло в тенях, но это было следствием игры света и крови.

– Обычное призрачное заклинание, – сказала ты и тут же пожалела, что повела себя как провинциальная костяная ведьма.

К счастью, Ианта оказалась еще более раздражительной и упертой волшебницей плоти, так что она добавила:

– Оно даже не сложное. В смысле, оно довольно изысканно и безупречно, учтена даже свертываемость крови, но я такое делала в пять лет!

– Это средство от привидений не позволит разорвать наш корабль на части, – сказал император. – Все одинокие духи будут обходить нас. Какое-то время.

– Одну минуту и тридцать три секунды, – вставила Мерси.

– Плюс-минус, – согласился он.

Император опустил на пол рядом с тобой и Иантой, как раньше садился рядом с Мерсиморн. Это почему-то было тебе неприятно. Как будто он предлагал тебе тест на соответствие, и ты должна была немедленно распластаться перед своим богом. Кольцо вокруг его зрачка сияло белизной.

– Ваша задача проста, как просты все самые сложные вещи. Я погружу нас в Реку, и я вытащу оттуда корабль. Вы должны сосредоточиться. Я могу перенести ваши физические тела, но души останутся здесь, если вы их не удержите.

– Физический перенос через лиминальные границы, – сказала ты и сама удивилась сказанному, как будто ты не знала этих слов, – очень сложная магия духа, рожденная в Пятом доме.

– И за это я благословляю Пятый дом и их долгую память, – сказал император. – Они могут зайти настолько далеко, чтобы приманить к себе потерянных духов. Они стоят на берегу, размахивая кусками мяса и предлагая якорные стоянки. Но они не приближаются к цели.

Ианта вдруг стала похожа на свою сестру-близнеца и сказала удивленно:

– Но если распространить этот способ, на флоте произойдет революция. Мы сможем сэкономить очень много топлива и усилий благодаря мгновенным путешествиям. Мы станем неостановимы.

Мерси неприятно рассмеялась.

– Могучий некромант на пике способностей может продержаться в Реке секунд десять, – сказал бог, поднимаясь. – Магия душ – великий уравниватель. За первые несколько секунд некромант полностью лишится танергии... потом талергии, а потом и самой души. Призраки просто не успеют добраться. Никто не может выжить в магме, если вернуться к нашей аналогии.

– Мы можем, – сказала Мерсиморн, оперлась локтем на приборную панель и положила голову на руку. Пожаловалась: – Я вот этим занята прямо сейчас.

– Метафорическая температура ликтора превышает тысячу градусов, – сказал император. Он еще раз проверил все контейнеры и крепления. Космос медленно пролетал за окном, невероятно черный и невероятно тошнотворный. – С этим невероятным заклинанием, наложенным экспертом, который отдал ему кровь своего сердца... выйдет где-то полторы минуты. Я надеюсь на минуту сорок секунд, учитывая качество работы... а потом мы окажемся предоставлены сами себе. Ни один ликтор не выдержал больше семи минут при полном физическом погружении. И все это благодаря титаническим усилиям Кассиопеи из Первого дома, которая была невероятно умна и осмотрительна. Она предположила, что сможет заманить в поток физическое тело Зверя Воскрешения. И она смогла. Он последовал за ней.

– И? – поинтересовалась ты.

– Оказалось, что ума и осмотрительности недостаточно, чтобы уберечься от десяти тысяч голодных духов, – тихо сказала Мерси.

– А как же Зверь? – спросила Ианта.

– Вынырнул невредимым двадцать минут спустя, – ответил император. – Жизнь – та еще сука.

Он посмотрел в иллюминатор на звезды и на сияющий поодаль планетоид. С твоей стороны он казался закопченно-красным.

– Расстегивайте ремни, – сказал он. Вы обе повиновались. – Ложитесь на пол.

Вы ответили хором. Ты – иссушенным шепотом, Ианта – низко и тихо:

– Да, учитель.

Путаясь в конечностях, вы улеглись на пол. Принц милосердный сказал ровным голосом:

– Дышите реже. Не больше двух вдохов в минуту. Если вам нужно отдышаться, сделайте это сейчас. Я очень давно никого не учил этому трюку, и я не знаю, с чего начинать.

– Начни с испытания Пирры, – немедленно отозвалась ликтор.

– И верно. Да, Мерси, я пытался быть более-менее веселым, но я и правда начну здесь. Вы обе помните испытание проекции в доме Ханаанском? Которое в третьей лаборатории?

Ты немедленно вспомнила гигантскую костяную тварь, постоянно растущую и изменяющуюся. Ты погрузилась в нее настолько, что не могла высвободиться, твой разум бессильно блуждал по чужому мозгу.

– Сейчас вам понадобится тот же навык, – продолжил бог. – Ваш разум не последует за телом в Реку сам собой. Удерживайте разум и тело вместе, потому что при любом неверном движении ваше сознание может вылететь из тела и застрять на выселках системы Доминика, не понимая, как вернуться домой. В большинстве случаев вам вовсе не следует погружать свое тело в воды, это слишком опасно, но раз речь идет о физическом перемещении, тело нам тоже понадобится.

Ты не в первый раз проклинала себя за то, что не стала подробно изучать магию духа.

– А что происходит с телом ликтора, лишенным души? – спросила ты.

Бог подумал:

– Отделение от души тебя не убьет. Не сразу. Но...

– Но мы тебя убьем, – сказала святая, – сразу. Пустое тело ликтора с нетронутым аккумулятором, но без пилота? Ты вообще представляешь, что может занять твоё место? В твоё тело влезет кто угодно, любое жуткое, злое или одинокое создание, жалкий призрак или еще того хуже. А ты, дитя Девятого дома, знать не знаешь, как сражаться с такими хищниками. Ты – младенец. Слушай внимательно: если мы вынырнем на другой стороне и увидим, что ты ушла, бросив свое тело, я немедленно выколупаю твои мозги из черепа, не дожидаясь, пока ты вернешься.

Бог не сказал ничего.

– Когда начинаем?

Голос Ианты звучал так, будто она ожидала удаления зуба.

– Начинаем? – переспросила Мерсиморн. – Погружение началось тридцать секунд назад.

– Таймер? – спросил бог.

– Поставлен на пять минут.

– Нужно помедленнее, поставь на шесть.

– Пять с половиной, – предложила она, но бог ответил:

– Я не торгуюсь. Когда мы достигнем воды, следи за временем.

Святая радости ответила необыкновенно смиренно:

– Готово. Будь осторожен, учитель.

В глубинах космоса – и в глубинах Реки – шаттл окружал кокон искусственной гравитации. Ты не знала, где верх, где низ и в каком направлении вы двигаетесь. Ты лежала на палубе, пытаясь не давать легким расширяться слишком быстро. От редкого неглубокого дыхания сознание чуть плыло. Ты чувствовала себя не спокойной, а скорее тупой. Тебя будто прижали к полу.

– Оставайтесь в сознании, – велел бог.

Ты принялась растягивать мышцы ног, пока они не заболели, пока ты не почувствовала, как напрягаются сухожилия. Ты лежала на мумифицированном мече, который мрачно пылал в своем костяном саркофаге. Ты смотрела в потолок. Ты повернула голову и увидела, что Ианта смотрит сквозь тебя. Она лежала между своей рапирой и своим кинжалом, достаточно близко от тебя, чтобы это было неприятно.

– Наденьте капюшоны, – сказала Мерси, – они не просто так прозрачные.

– Так проще, – согласился император, – вы видите свет, но не отвлекаетесь.

Ты не пожалела, что послушалась. Мир стал скопищем светлых пятен, как будто ты смотрела в белый шум или головную боль. Силуэты и тени исчезли. Ианта превратилась в перламутровую кучу. Ты не понимала, какие вспышки цвета возникают из-за радужной ткани, а какие – из-за мигрени. Твое дыхание звучало неприятным звоном, дыхание Ианты – мычанием. Императора Девяти домов ты не слышала – а замечала ли ты вообще, что он дышит? – не слышала и старшего ликтора. Приборы, контролирующие условия в шаттле, были то ли отключены, то ли выставлены на очень низкие даже по меркам Девятого дома показатели: под тонким плащом и легким платьем ты вся покрылась мурашками от холода. Ничего не происходило. Ни вспышки танергии, ни убыли талергии. Ты никогда не владела магией духа, и поэтому не почувствовала тонкостей перехода. Было очень холодно, вот и все.

Ты мертвым грузом валялась на ледяной палубе, каждый вдох раздирал легкие. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Ты хорошо осознавала себя, каждое движение энергии внутри. Ты осязала, что на руках у тебя мозоли, что в горле саднит от постоянной рвоты, что тебе очень одиноко. Тебя смущали все эти ощущения. Ты никогда так явно не чувствовала собственное тело, даже во время медитации. Свет притух и стал грязно-оранжевым, как будто догорали угли. Ты впала в тупое полумертвое оцепенение, твоя тревога ослабла и вовсе пропала, и тут ты услышала крик Ианты.

Ты выглянула в крошечную щелку капюшона. Ты не издала ни звука, потому что не знала, что видит Ианта. Лично ты видела воду.

7

Вода просачивалась сквозь клепаные швы панелей. Была она грязная, ржаво-красная, в ней плавала какая-то дрянь, как в канализации. Она уже добралась до носа шаттла, и над ней виднелись ботинки императора. О гравитации вода не имела никакого представления, она текла то в одну сторону, то в другую, а потом начала упругими фонтанчиками влетать со стороны переднего окна.

– Тридцать секунд, – сказала Мерсиморн, голос которой изменился так сильно, как будто это была другая женщина – не злобная, а совершенно спокойная. – Осталось пять минут тридцать секунд.

Справа послышалось шуршание.

– Лежи тихо, – сказал император.

– Господи, я их вижу, – торопливо сказала Ианта.

Их?

– Сосредоточься на них, – сказал император. – Не бойся. Сними капюшон, если хочешь. Думай о шаттле. Где была ты, где я, где Мерси, где Харрохак. Шаттл – это проекция воспоминания, а они нереальны. Но они просочатся дальше, если ты выйдешь из тела, а я не хочу тебя терять.

Проиграть Мерси или пустым глубинам космоса?

– Осталось четыре минуты тридцать секунд, – сказала ликтор, – заклинание продержится еще около полуминуты.

Было слишком интересно, чтобы сдерживаться. Ты стянула опаловый капюшон с лица и тут же испугалась до смерти. Мутная грязная вода прибывала с невероятной скоростью, она уже полностью скрыла палубу, и ты ощущала ее влагу и реальность. Вся спина у тебя промокла от этих маслянистых волн. Ианта села – она никогда не умела исполнять приказы – и уставилась остекленевшими глазами в некую точку, которой ты не видела. Взгляд ее был жестким и ничего не понимающим.

Ты огляделась, но Тела нигде не было. Просто вода. Она уже намочила брючины императора, а он спокойно поглядывал в планшет, как будто все было в порядке.

Ты не видела другого ликтора, только ее руки в тусклом свете подсветки. Вода поднялась еще выше и начала заливать тебе в уши. Это не привело тебя в такой невыносимый ужас, как Ианту. В детстве родители часто окунали тебя в воду, так что ощущение было знакомым, пусть и мерзким. Вода бурлила и прибывала. Она задевала твои щеки. Ты рефлекторно задержала дыхание.

– Ничего, Харроу, – сказал бог, тыкая стилусом в экран, – ты можешь не дышать.

Ты выдохнула, выдувая воду изо рта и носа. Мозг запаниковал, когда теплая мутная вода потекла в легкие. Жидкость стекала по горлу как-то странно, то и дело замирая, твое тело не реагировало. Ты наполнялась водой, как резиновая кукла, упавшая в колодец. Тебя только чуть-чуть радовало то, что Ианту это явно пугало значительно больше, чем тебя. Она обхватила себя одной рукой – правая бессильно лежала в воде, – и ее сотрясали спазмы. Только воспоминание о ноже в ладони не дало тебе докатиться до жалости.

– Все в порядке, Харрохак, – ободряюще сказал бог, – ты отлично справляешься.

Ты тут же впала в дикую панику, уверенная, что на самом деле ты не справляешься вовсе. Что-то мазнуло тебя по лодыжке, и вода сомкнулась у тебя над головой. Ты не всплыла, тебя прижало ко дну, как бетонную плиту. Что-то плыло в воде совсем рядом с креслом пилота, где сидела Мерсиморн. Длинная плеть сброшенной кожи, очень свежая и чистая, как будто ее срезали с чьего-то бока и очистили от плоти и жира. Вода казалась теплой. Она касалась твоих глазных яблок и чуть-чуть щекотала нос.

Сквозь мелкую рябь, преломляющую весь мир, ты заметила заклинание на стене. Оно дымилось. Нижние завитки шипели и трещали, как неисправная машина. Вода дотянулась до них. Голубые искры посыпались в грязную воду, как будто пошел дождь.

– Заклинание продержалось минуту сорок секунд, – сказала Мерсиморн.

– Уже одна минута сорок одна секунда, – поправил бог. – Две благодарности лейтенанту.

– Минута сорок четыре... минута сорок пять...

Где-то между сорока четырьмя и сорока пятью заклинание взорвалось. Засохшая кровь разлетелась во все стороны бурым конфетти. На стене остался выгоревший силуэт, как будто заклинание сползло и растворилось в прибывающей воде. Ианта выгнула спину так, что ее сложило вдвое. Как будто ее ударило током. Свет с потолка окрасил ее кожу в янтарный цвет, ее длинные светлые волосы всплыли на поверхность и походили на обрывки плаценты. Ты поднялась на локтях – твое внимание привлекло что-то за передней плексигласовой панелью. Звездная чернота космоса исчезла полностью. Шаттл стремительно погружался в бесконечный мутный океан.

Еще одно движение за окном. А потом о плексиглас шлепнулись две сырые, гниющие ладони.

– Фу, дрянь какая, – довольно спокойно сказала Мерсиморн. – Осталось три минуты.

– Ненавижу эту часть, – сказал бог.

Голое, погрызенное рыбами тело тяжело ударилось об окно. На плексигласе осталось кровавое пятно, но тело отскочило. Второе появилось через пару секунд и задержалось надолго. Это был безногий торс, лицо которого объели целиком, оставив только блестящий череп, который и колотился в прозрачную поверхность. Одну руку существо воздело, будто в мольбе, но его тут же унесли волны.

Вода в шаттле уже плескалась у плеч императора и омывала руки Мерсиморн. Она не удосужилась убрать пальцы с кнопок.

Лицо Ианты обмякло, взгляд блуждал. Ты осторожно поднялась и оглядела шаттл из-под воды. В ней расплывались бурые и красные пятна, будто кто-то истекал кровью. Тебе вдруг показалось, что в корме кто-то высоко и жалобно завыл, совсем тихо, на пределе слуха. Но ни бог, ни старший ликтор, ни тем более Ианта ничего не услышали.

Вой раздавался изнутри шаттла. В нем звучали боль, горечь и отчаяние. Ты оглядывалась, пытаясь найти источник. С влажным шлепком четвертое тело ударилось о плексиглас и удержалось на нем. Оно угрюмо скреблось, но ты слушала только крик.

– Кто-то плачет, господи, – вдруг сказала ты, но он только недоверчиво буркнул что-то себе под нос. Ты не разобрала слово.

– Осталось две минуты тридцать секунд, – сказала Мерсиморн очень осторожно.

– Я ожидал, что их будет больше, – заметил император.

– Мне это не нравится, – сказала ликтор.

Ты посмотрела в потолок. Маслянистая теплая вода казалась густой от обломков и обрывков трупов. Что-то коснулось твоей ноги, ты вздрогнула и отколола осколок своей большеберцовой кости. Попыталась провести его под кожей к заледеневшим ступням. Получилось у тебя не очень. Вместо аккуратной костяной иголочки ты вытащила из дыры прямо над эпифизарной линией большую мокрую пробку. Большая берцовая кость раскрылась, как цветок, кровь и костный мозг испачкали радужный плащ и всплыли на поверхность. Бог развернулся. Лицо его скрывала полутьма, но голос был четок:

– Черт... – потом он произнес слово, которого ты не поняла. – Харрохак, никаких теорем!

– Не смей меня, она не может использовать теоремы, – сказала Мерси. – Она почти без сознания, и сейчас ей это совершенно не до... Джон, останови ее! Она использует теоремы!

Боль не имела значения. Шаттл дрожал вокруг тебя, в твоём черепе вспыхивали новые синапсы, и глаза у тебя открылись. Ты лежала в море тел. Они начали прибывать до того, как

ты это поняла. Ты не могла увернуться от них. Кажется, кровь призвала их, настолько внезапно они появились. Ты не думая встала, и они принялись тыкаться в твои локти и плечи. Они ковром покрыли палубу. Невидимое течение прибывало их книзу, им не хватало воздуха, чтобы всплыть. Сквозь тонкую пелену собственной крови ты видела противные скользкие трупы с черно-алебастровыми лицами. Мертвые девочки-подростки, чьи кости вдруг перестали расти, мертвые мальчики, скалящие молочные зубы, лишенные пола младенцы с голыми черепами и ногтями, похожими на каменные сколы. Резиновый на вид малыш с раскрашенным лицом и очень рыжими волосами лежал рядом с твоим коленом, и это зрелище почему-то чуть не убило тебя. Оно загло в тебе нечто, противостоять чему ты не могла. Ты завизжала от ужаса.

Император шел к тебе сквозь бурлящее море тел. Он говорил что-то, но ты особенно не слушала.

– Харроу, это все ненастоящее. Только ты видишь все это. Все, что внутри шаттла, – иллюзия. Это все Река. Река – хищник, мертвые существуют только в твоём воображении. Тебе приходится сложнее, потому что ты по природе своей погружена в Реку гораздо глубже, чем Ианта. Я не думал, что ты зайдешь так глубоко, особенно в первый раз, но у тебя получилось. Возвращайся ко мне.

– Осталось две минуты, – сказала Мерси. – Они идут на источник шума. Я стояла на берегу и видела, как умирает Кассиопея, учитель.

– Не трогай двигатель, Мерсиморн...

– Она увела их прочь от своего мозга, я была там в проекции, и я видела, как они хватали ее за руки и ноги. Я надеялась на Зверя, и я была там, а про себя я думала, господи: «Куда же мы денем ее коллекцию керамики? Там так много всего»...

Ты прижала руки к лицу и снова испугалась – ты не смогла закрыть глаза. Ты опустила веки, свет изменился, и – ты вспомнила это, как будто такое уже случалось раньше, – ты утратила возможность видеть сложное. Шаттл исчез, а вода осталась. Остались и тела. Ты плыла в глубокой бездне. Горячие кровавые пузыри вспухали на коже, и ты осознавала себя не как тело, а как мутное сияние. Мутное сияние среди других таких мутных сияний, вот они – одно, два, три, четыре, пять – везде вокруг, и одно под тобой. Далекий крик все звучал, и ты поняла, что кричишь ты сама.

Ты открыла глаза. Ты смотрела на мертвые тела детей Девятого дома и чувствовала, что ты – скопление яйцеклеток, в котором живут двести искорок света. Ты была символом, ты была объединенным пламенем. Жидкость ушла из твоих носовых пазух, втянулась в мозг и исчезла. Ты стала маленькой. Ты была жерлом и была печью. Вода вскипала, кожа отделялась от тебя красными лоскутьями, искорки света кипели в тебе, тела кипели вокруг. Ты была голодом вне тела. Ты чувствовала танергетическую яму в гробу, видела детский изгиб челюсти и бледные губы мертвого рта. Ты не осознавала, что стоишь, не осознавала, что идешь, но ты делала и то, и другое. Ты умирала в кипятке, твой мясной костюм хотел этого и мог это получить.

– Харрохак, – сказал бог, – я здесь, детка, здесь. Я не рискну к тебе притронуться. Иди ко мне. Ко мне. Мерси, если ты меня любишь, не трогай кнопку.

– Тридцать секунд, – сказала Мерсиморн и тихо добавила: – Господин, ты обрекаешь дома на смерть.

Ты ничего не видела. Шаттл представлялся тебе безвкусно сделанным сгустком металлической брони и прочих деталей, покрытых плексигласом и антифрикционными гелями. Очень, очень хрупким. Пугающе хрупким. Ты видела во всех направлениях сразу. Ты видела, как мертвое заклинание крови дымится под водой, как гнется и рассыпается металл там, где оно было. Ты видела собственную живую кровь, распускающуюся в воде алым цветком и оставляющую красные пятна на твоей одежде.

– Двадцать пять, – сказала Мерси. – Шаттл теряет материальность. Меня тащит прочь.

– Держись.

Что-то грянуло в шаттл, как будто его ударил огромный кулак. Он закрутился вокруг своей оси, сделав почти полный оборот, и ты упала. Рухнула на колени на мягкие мертвые тела и оглянулась на Ианту, которая лежала на полу и бесстыдно вопила от страха.

– Двадцать секунд. – Мерси не обращала на вас внимания.

– Я возьму Харроу. Втопи.

– Слава богу, наконец-то... в смысле «возьму»?

– Мне придется до нее дотронуться. Жми на газ.

– Господин, если она утащит тебя...

– Жми на газ, Мерси, во имя Кристабель! – заорал бог.

Она ударила по рычагу. Вспыхнули пять светлых точек. Ианта выглядела ненастоящей, она расплывалась, как будто уходила прочь из реальности. Все вдруг подернулось безумной кипящей рябью, все уносилось прочь. Когда ты проследила взгляд Ианты, то увидела на окне мертвые ладони, размотанные кишки, воду и кровь. Кто-то подхватил тебя под мышки и потащил назад, раздался громкий дикий звук, как будто завелась гигантская машина, и ты успела подумать «пять?».

А потом от тебя ничего не осталось.

8

Чай, пугали, обладал слишком сильным вкусом. По своей воле Харрохак пила только воду. Когда она была совсем маленькой или когда болела, маршал готовил ей воду с сахаром и каплей консервированного лимонного сока в качестве лакомства. Но даже тогда ей приходилось делать перерыв после каждого глотка. Каждый яркий взрыв кислого вкуса во рту то ли доставлял удовольствие, то ли жег язык. Сладость была такой явной, что от нее почти трещали зубы. Эта новая горячая жидкость была на вкус как лесной пожар, в ней чувствовались сгоревшие листья, а слюны во рту совсем не осталось. Харрохак замерла, когда маленький пугающий человек сказал, улыбаясь:

– Может быть, посвященная Запертой гробницы прочтет нам свою молитву?

На нее разом посмотрела примерно тысяча глаз. Внутри себя Харрохак сгорала от гнева, но внешне оставалась безмятежной. Это ее рыцарь, которого видно было со всех сторон огромного мертвенного атриума в доме Ханаанском, открыл рот и завел:

– Молю, чтобы гробница оставалась замкнутой. Молю, чтобы камень никогда не откатали от входа...

Она не поддержала его. Если не подхватить молитву в ту же секунду, лучше уже молчать. Она слушала, как Ортус произносит слова, в которые он вряд ли хоть когда-то верил. В голосе его звучала усталая ненависть к ней и ее народу. В этом гниющем зале стояли самые разные люди, разного роста и вида. Все, кроме трех жрецов, были юны – или относительно юны по меркам человека, привыкшего к своей седой пастве. На них красовались одежды диких цветов, одежды из самых разных тканей, увешанные кучей украшений. Рядом стояли классические конструкторы-скелеты, одетые в белое. Она ненавидела, когда кто-то одевал конструкторов. Что это за причуда такая, ведь никто не шьет шляпки для молотков? Они провели гостей в холл, роняя на пол что-то белое и зеленое. Люди небрежно топтали эти штуки, проходя под потрескавшимися мраморными арками Первого дома. С некоторым ужасом она осознала, что это растительная материя. Некоторые из собравшихся быстро оглядывались на нее и на Ортуса. Она знала, что выглядит не слишком впечатляюще, что ей дают меньше ее возраста, что унылый огромный Ортус сразу заполняет собой любое помещение, в котором он провел хоть минуту. В их глазах вспыхивало что-то, чего она никак не могла разглядеть своими больными глазами. Ладно. Это можно было вынести. Это была их ошибка, целиком и полностью.

«О тело из Запертой гробницы, – тихо молилась она про себя, – дай ледяную смерть всякому, кто глянет на меня с жалостью, жаркую смерть всякому, кто глянет на меня с удивлением, быструю смерть всякому, кто глянет на меня в страхе».

Когда Ортус закончил, жрецы Первого дома улыбнулись одними губами. Харроу вдруг поняла, что только Первый и Девятый дома знали, что такое ждать чего-то, что никогда не случится. Рыцарь заунывно произнес последние слова:

– Восславим же Владыку Острейшего меча, паутинную тонкость его клинка и чистоту его разрезов.

– Какие древние слова, – сказал гадкий старикашка, которого Харроу будет вечно проклипать под именем Учителя. Он чуть не умирал от волнения. Казалось, он сейчас запрыгает – из-за этого Харроу чувствовала мрачное уныние.

– Классический текст, который многие годы не звучал в этом Доме. Как мне отблагодарить тебя за это, Ортус из Девятого дома?

– Молись, чтобы однажды мои кости заключили в Анастасиевом монументе, куда не проникает даже призрак света, – ляпнул Ортус прямо при всех. Вот говнюк. Даже в тени, которая лежала на его лице, даже под вуалью было видно, что какой-то идиот – скорее всего сам Ортус – намалевал на его лице Череп отшельнической смерти. На жарком свету он потел и плакал, и

алебастровые раны Отшельника превратились в потоки краски. Никакие молитвы жрецов Первого дома не помогли бы ему удостоиться Анастасиева монумента, гробницы воинов: Ортус мог бы погибнуть с кровью еретика на клинке, только если ему попалась бы черепаха-еретик.

– Это единственное благословение, в котором я нуждаюсь.

Остальные жрецы зашептались.

– Невероятно, – сказал Учитель, – очень интересно. Я благословляю тебя этим манером, дважды. А теперь принесите мне ящик.

Дальше последовал долгий и непонятный парад рыцарей, начавшийся с Марты из Второго дома. Когда Учитель выкрикнул:

– Ортус из Девятого дома, – Ортус подошел за наградой и вернулся, чтобы продемонстрировать ее некроманту, как и было положено. Он вложил в обтянутую черной кожаной перчаткой ладонь железное кольцо с одиноким ключом. Ключ был самый обычный и неинтересный, с двумя зубцами и треугольной головкой. Он показался очень тяжелым.

Маленький человек осел на табуретке, с которой тут же свесилось изрядное количество плоти, как будто на сиденье устроилась пухлая булочка с лезущим со всех сторон кремом. Сказал довольно:

– А теперь я расскажу вам кое-что новое, кое-что, чего вы не должны знать о Первом доме и исследовательской лаборатории.

Дом Ханаанский основан еще до Воскрешения. Вначале мы строились ввысь, чтобы уйти от моря, потом вширь, чтобы видеть больше красоты... это был дворец Милосердного властелина, где он мог бы работать, вершить суд и жить вечно. А заодно и наблюдать за всеми необходимыми изменениями. Воскрешение воскресило не все, как вы понимаете, и не породило ничего нового. Впереди была тяжелая работа, ремонт, перестройка. Она потребовала много крови, усилий и костей. Но все же это были счастливые и приятные годы. До того, как появились ликторы.

Он сделал глоток чая, вздохнул от удовольствия и продолжил:

– Прежде всего они были учениками. Десять обычных людей Воскрешения, хотя половина была благословлена даром некромантии. Но сама по себе некромантия не дает вечной жизни. Наш господин, первый перерожденный, сохранил десятерым избранным юность, но все же это была лишь тень истинной жизни. Они должны были оставаться у ног императора, чтобы не тянуть его силу. Они хотели провести жизнь, служа ему, и никак иначе. В первую сотню лет они поняли, насколько сложно им придется, хотя некромантия распространилась по всем Девяти домам и хотя к ним присоединились другие ученики. Некоторые из них взяли за мечи и стали первыми рыцарями в надежде, что сила их рук послужит во благо. Адепты оттачивали свое мастерство, пытаясь противостоять холоду глубокого космоса. Оставалось еще столько дел, и рождались новые некроманты, и многое нужно было отвоевать. Прекрасное было время для жизни.

Он снова вздохнул, на этот раз ностальгически, и сказал:

– По необходимости начались масштабные исследования. Нужно было найти способ лучше служить нашему Господу, да так, чтобы ему не приходилось даровать своим слугам бессмертие. Исследовали способы стать ликтором. Штудии проходили здесь.

Он ткнул пальцем вниз. Все посмотрели на пол под его ногами, пытаясь разыскать истоки ликторства на нескольких квадратных дюймах расползающегося ковра.

– Под ногами. Лаборатории. Изначальное здание, затерянное в глубинах веков... покой последней жертвы... отсюда пошли ликторы, и здесь же всякое ликторство завершилось. Вы это увидите. Вы увидите, где они побросали свои инструменты и покинули здание, оставив его вам... оставив как подобие палимпсеста. Вы увидите, где они бросили свои чертежи для тех, у кого хватит силы тела и духа, чтобы пройти по их стопам. Это место должно было стать дворцом, а его бросили, будто просеку в лесу.

Кто-то подал голос. Это оказалась женщина из Пятого дома, которая сказала весело и бесстрашно:

– То есть путь к ликторству – это независимые исследования? Черт, ведь сегодня даже не мой день рождения!

Один из молодых людей, сидевших рядом с ней, издал такой звук, словно воздух выходил из воздушного шарика.

– Независимые исследования – часть пути, леди Абигейл, – улыбнулся Учитель, – другая, и куда более важная... это тишина и осторожность. Вы здесь не одни. В сердце лаборатории лежит Спящий, и я не знаю, сколько времени это длится. Но я знаю, что это самая главная угроза, пусть он спит. Он ходит во сне.

Тут он осекся и посмотрел куда-то перед собой. В руках он все еще сжимал чашку с чаем и вел себя так, будто ему открылись видения, знать о которых адептам и рыцарям было не положено. Пауза жутко затягивалась, потом рухнула с лестницы и разлеглась под ней на глазах у всех собравшихся, которые вынуждены были смотреть, как несчастная пауза истекает кровью. Половина невероятно юной парочки Четвертого дома попыталась ее заполнить и проблеяла:

– То есть в лаборатории монстр. И что нам делать? Сразиться с ним?

– Нет-нет, – нетерпеливо ответил Учитель. – Владыка за Рекой милосерден! Спящий не может умереть. Не знаю, можно ли его ранить, но убить точно нельзя. Наше самое главное преимущество в том, что он спит очень крепко. Вторая угроза вашей работе состоит в том, что если Спящий проснется – этого никогда не случалось, хотя я знаю, что он мечтает выйти из оцепенения и продолжить с прежнего места, – если он проснется, никто из нас не выживет. Если Спящий встретится вам во время своих сонных блужданий, ваше оружие должно быть тихим. Если своими нечестивыми действиями вы пробудите его, оружие уже не понадобится. Мы рассчитываем на всеобщее молчание. Перемещайтесь группами, ступайте мягко, идите туда, куда я идти не решаюсь, потому что я люблю жизнь и шум тоже люблю.

Без всякой паузы началось столпотворение:

– Разве не...

– Какой именно звук...

– Не имеет...

– Руки из...

– Я не знаю ответов на ваши вопросы, – спокойно сказал Учитель, – но вы уже ведете себя слишком громко.

Все слова застыли на губах. Харрохак, которая молчала, и Ортус, который только потел почти слышимо, затихли окончательно. В этой тишине можно было бы услышать, как волосок отделяется от скальпа и планирует на пол. Можно было услышать собственное сердцебиение – Харроу и слышала. Оно было громкое, жаркое и влажное. Тишина казалась полной, если не считать тихих беспомощных звуков самой жизни.

– Я шучу, – сказал жизнерадостный жрец, чье веселье совершенно не разрядило атмосферу, – блефую. Издеваюсь. Да-да. Поверьте, здесь, наверху, совершенно безопасно. А если нет, то с этим ничего и не поделаешь. Только спустившись в люк, ключ от которого у вас теперь есть, вы окажетесь в опасности и подвергнете ей и тех, кто будет рядом с вами. Наточите клинки и подготовьте теоремы. Дальше я не смогу вас провести, это место уже за пределами моего понимания. Но я желаю вам удачи, – добавил он.

Жрец с длинной косой цвета соли с перцем тихо сказал:

– Желаю удачи.

Самый крошечный и умудренный на вид жрец пропищал:

– Да даст вам бог удачи, достаточной, чтобы справиться с этим.

Собравшиеся были слишком ошеломлены, чтобы обращать внимание на конструкторов, явившихся за ними. Глаза, ранее горевшие волнением, предвкушением, а иногда и страннова-

той усталой радостью, теперь стали тревожными. Всех поприветствовали гибкие резвые скелеты, которые двигались, как любезные родственники, встречавшие гостей в незнакомом доме, в котором должно быть уютно. Всех увели по двое, если не считать трио из Третьего дома, и Харрохак ждала рядом со своим рыцарем, который очевидно старался не дышать вовсе. К ним приближался скелет.

Она поняла, что Ортус ужасно напуган. Это ее не удивило.

– Госпожа, я не могу, – выдохнул он, – я не смогу защитить вас. Монстры не по моей части.

– Камень откатали, – сказала Харрохак и удивилась, что сама этому верит. Она не боялась. Она вся пересохла изнутри, будто из нее высосали всю жидкость. Монстры всегда были по ее части. Не было такой мерзости, какую она бы не тронула ради ее мерзких денег.

– Ты – мой первый рыцарь. Твоя работа – встречать наших врагов лицом к лицу и умереть, когда корзина твоя окажется пуста, но не раньше.

Это почему-то его не успокоило.

– Вам нужен клинок, и нужен кто-то, кто будет его держать, – прошипел он.

– Неужели! Раньше мне никто подобный не был нужен.

– Вам нужно было сделать иной выбор!

Харроу стало неудобно, а поскольку до этого она неплохо себя чувствовала, она немедленно разозлилась:

– Я не могу сейчас выбирать, Нигенад! Если только ты не призовешь мне дух Матфия Нониуса, и тогда я с удовольствием воспользуюсь его услугами, если он обещает не произносить речей.

Их собственный скелет Первого дома, облаченный в странное белое тряпье, приблизился и очень изящно поклонился. В Харроу росло и крепло подозрение – ей не нравилась плавность его движений. Он двигался легко и свободно, а когда она повернулась, машинально отзеркалил ее движение. Это выходило далеко за пределы ее возможностей – или возможностей любого некроманта Девяти домов. Но ее первый рыцарь ничего не заметил. Он впал в задумчивость, причину которой, очевидно, изобрел сам. Когда конструктор сделал жест – жест! Кто вообще потратил время, чтобы научить такому скелет! – Ортус повернулся к ней, посмотрел на нее серьезными темными глазами. Краска на черепе расплывалась.

Он кашлянул.

– Нет! – немедленно сказала Харрохак, но опоздала.

Черный клинок зловещий ударил спектрального зверя, черный клинок зловещий впился в ложную плоть.

С криком ударил когтями по шлему Девятого дома, но сердце не подводило...

Харрохак, я не понимаю, почему вы выбрали меня.

– Других не было, – отозвалась Харроу.

Маска сползла с него – не та, что была сделана из алебаstra и черной краски. Ортус смотрел на нее внимательными темными глазами, и его тяжелое лицо дрожало. Она с невероятным изумлением поняла, что он злится.

– У вас никогда не было воображения, – сказал он и, явно расстроившись из-за самого себя, снова натянул на лицо маску. Он не знал, что она не рассердилась, а заинтересовалась. Торопливо добавил:

– Простите меня, моя госпожа. Я расстроен и напуган. Я не умею умирать. Запертая гробница далека от нас, далека и ее милость, и я забылся.

– Есть такое, – коротко согласилась Харрохак и сама разозлилась, правда, на себя, а не на него: – Умирать пока не надо, Нигенад. Пошли. Это моя вина – я не сумела впечатлить

тебя своими талантами некроманта. Мы служим великому трупу, который спит беспробудным сном, и наши сердца не должны подвести нас из-за какого-то злобного лунатика. В худшем случае считаешь ему стихи, это лечит любую бессонницу.

– У вас отличное чувство юмора, – торжественно сообщил ее рыцарь. – Я понимаю. Я пойду за вами, госпожа, и пусть долг станет моим шлемом, а верность – моим мечом.

Скелет поманил их пальцем, они сдвинулись с места, но Харроу вновь остановилась, когда он открыл желтозубую пасть.

– Так оно и происходит? – спросил скелет.

9

Ты не могла сказать определенно, проснулась ли ты. Когда ты достигла умиротворения, то растеклась в вонючую лужу, а теперь снова собирала себя по кусочкам. Ты открыла глаза – ты лежала на спине – и медленно, тщательно, изо всех сил напрягаясь, принялась превращаться из лужи в твердое тело. В легких встал какой-то гадкий жесткий комок, при каждом вдохе в трахее мерзко свистело. В остальном ты чувствовала себя разбитой, но вполне здоровой. Плащ сбился на сторону. В груди было тяжело, но не из-за воды, а от... от тени воспоминаний, от последних обрывков сна. Ты затряслась всем телом. После легких к тебе вернулись глаза, и они увидели большое темное помещение и вспышки желтоватого света. Свет бросал угловатые тени на высокий сводчатый потолок.

Ты помнила воду и помнила трупы. А потом все воспоминания ушли. Единственное, что тебе осталось – осознание того, где ты оказалась. Ты бы знала, если бы тебя лишили всех чувств, ты бы знала, если бы твой мозг сторел. Ты была Преподобной дочерью, и тебя уложили на церковную скамью.

На колени и бедра давило что-то тяжелое. Ты напрягла зрение, изо всех сил прижала подбородок к груди и с облегчением увидела свой двуручный меч. Отношения с ним стали очень сложными. Ты его ненавидела, но и представить мир без него не могла. Ты чувствовала запах крови. И еще какой-то запах, совсем слабый. Одновременно свежий и гнилой, сладковатый – запах розы. Ты попыталась встать, воздух застыл в легких, и ты зашлась диким кашлем. И тут чья-то рука легко коснулась твоего плеча, будто предупреждая. Ты чуть не рухнула на пол.

– Тихо, – прошептала Ианта.

Она сидела рядом с тобой и походила на радужно-белый столп. Смотрела она прямо перед собой, своим обычным взглядом: ледяным, страдающим от скуки и еще приправленным отвращением. Тебе было противно. Как она посмела тебя коснуться. Ты приклеила меч к спинке скамьи одним движением. Кость удерживала его на месте и приглушала его шум, кость с горячим чмоканьем прилепилась к натуральному дереву, а ты спустила ноги со скамьи на пол. Ты увидела, где ты, и тебя охватил ужас.

Тебя положили в маленькой, изысканно украшенной часовне. Оглядевшись, ты узнала нежный желтый свет – свет сотен свечей. Они освещали полированный угольно-черный камень стен, покрытый завитками костей. Кости были повсюду, их хватило бы на сотню гробничных часовен Девятого дома. Алтарь состоял из длинных резных костей, сплетавшихся в кружево, пол покрывала черно-белая шахматная плитка. Черная – из полированного гранита, белая – из вытертых бедренных костей. В свете свечей они казались оранжевыми. Сиденья были из дерева, дерева, которое ты впервые увидела в доме Ханаанском, настоящего, коричневого, гладкого, отполированного до блеска, недоступного ни кости, ни дереву. Ты задрала голову и увидела крестообразное плексигласовое окно. За ним странным неземным светом мерцали ледяные звезды. Ты увидела черепа, целый оссуарий черепов, сотни черепов, вделанных в стену, глядящих на тебя рядами пустых глазниц, стоящих рядом челюсть к челюсти, ожидающих целую вечность. Эти прелестные мертвые головы, лишенные лиц, покрывали тонкие листки металла приглушенных оттенков: пыльно-багрового, дымчато-аметистового, тусклого синего. Цвета Домов. Здесь покоились герои Домов. Тонкие белые свечи бросали на кости милосердный свет, который даже делал их красивыми – красивыми той красотой, что доступна только мертвым костям. Свечи стояли в разноцветных подсвечниках и походили то ли на букеты в обертках, то ли на длинные тонкие пальцы в кольцах. Несколько десятков свечей стояли на центральном алтаре. На нем лежало тело.

Ты оказалась на похоронах. Ты знала их героиню: ты сама убила ее.

Ты сидела на скамье в часовне, где лежало нетронутое временем тело Цитеры из Первого дома. Чтобы пережить неловкость, ты устремилась мыслями куда-нибудь подальше отсюда.

Ты убрала руки поглубже в перламутровые рукава и сгорбилась, чтобы снежно-радужная ткань закрыла лицо. Даже легкое прикосновение меча к спине заставляло комок расти в груди, а сердце – дико колотиться, как будто оно пыталось сбежать. Но по крайней мере шанс ненароком сблевать заставлял тебя оставаться в сознании. Так низко ты еще не пала. Это были всего лишь четвертые похороны из всех, где ты бывала и где при этом была лично ответственна за появление трупа.

Труп, лежащий на алтаре, засыпали толстым слоем розовых бутонов. Розовато-белых, похожих цветом на полежавшую кость. Сноп роз лежал в ее руках, розы украшали ее бледные кудри, льнули к ее ногам. Милые мертвые губы изогнулись в грустной усмешке. Когда-то ты бы опустилась на колени, на специальную подушечку, покрытую мягкой и нежной человеческой кожей, такой эластичной и приятной. Ты возблаговарила бы Гробницу за то, что тебе довелось увидеть смерть ликтора в таком месте – и выжить. Ты прижала бы ко рту четки, и одну бусину обхватила бы губами (костяшку пальца своей прапрабабки, воплощавшую Камень, Вселенную и Бога). Теперь ты прикидывала, вырубись ли в течение ближайшей минуты или нет.

Перед алтарем стояла на коленях Мерсиморн. Сверкающий белый плащ спадал с ее плеч, и она плакала – слышно ничего не было, но плечи у нее тряслись так, будто каждый всхлип был взрывом. Она громко скрипела зубами – примерно с таким же звуком орехи грохотали бы в шлифовальной машине. Ты и представить себе не могла, чтобы святая радости плакала по иной причине, кроме злости или разочарования.

Рядом с Мерси преклонил колени бог. Рядом с богом стоял кто-то еще. Ты видела только затылок – и очень светлые волосы. И все. Новый персонаж был высок – даже на коленях он казался выше императора и Мерси. На нем красовались радужные одежды Первого дома, и ты не могла его – или ее – почувствовать. Еще одна черная дыра рядом с другими двумя черными дырами прямо перед тобой.

Через мгновение эта новая фигура сказала высоким, но, кажется, все же мужским голосом:

– Я полностью расклеюсь психологически, если ты не прекратишь издавать эти ужасные звуки, Мерси.

– Я тебя убью, если ты немедленно не заткнешься, жалкая душонка! – огрызнулась святая радости.

– Прекратите, – велел бог Девяти домов, и они замолкли.

Скрежет зубовой слегка поутих. Ты переплела пальцы, скрытые перламутровыми рукавами, покрутила большими пальцами, чуть не ломая их. Ианта смотрела на тебя. Ты посмотрела на нее в ответ – глаза в свете свечей были не видны, но скорее всего они стали голубыми – и поразились, насколько она измучена.

Она вся как-то потухла. Она лишилась чего-то с тех пор, как ты видела ее последний раз, когда она орала на полу шаттла. Ее взгляд метнулся к щели в твоём плаще, и ты съежилась еще сильнее, чтобы щель закрылась. Она нервно вздернула бровь, будто удивляясь.

– Где мы? – прошептала ты одними губами. Она не ответила.

Через мгновение император заговорил тоном человека, произносящего тост на званом ужине:

– Когда она впервые оказалась в доме Ханаанском, я решил, что произошла ошибка. Вы знаете, что я был на Родосе, хотел увидеть тамошнее чудо, но я не хотел смотреть на женщину, чтобы не оказаться заинтересованной стороной. Узнав, что она некромантка, я дал согласие. Она стала моей ученицей. Ей было под тридцать, насколько я помню. И я знал, что она больна, но не представлял, насколько все плохо, пока Лавдей не ввела ее. Выглядела она так, будто хотела забить нас всех до смерти, и еле могла идти... я хотел поцеловать ее в знак приветствия,

а она сказала: «Господи, я не смогу поцеловать тебя в ответ. У меня получилось идеально накрасить губы, и я не хочу смазать помаду».

Странный ликтор коротко засмеялся, потом откинул голову, и ты впервые увидела его вполоборота. Он был очень бледен сероватой, влажной бледностью, подчеркивавшей все выступы черепа. Тонкие нетерпеливые морщинки пролегали под набрякшими глазами и глубоко врезались в кожу у рта. Он выглядел старше, чем выглядел твой отец в год, когда умер. Лицо было надменным, длинным и породистым, а нос – огромным и горбатым. Сейчас ликтор смотрел на императора с выражением невыносимого страдания.

– На самом деле не получилось. Помада была у нее на зубах.

Мерсиморн пробормотала достаточно громко, чтобы это услышали все:

– Конечно, Августин, ты не мог этого не заметить.

А Августин добавил высоким, хорошо поставленным голосом:

– Да, я вспоминаю... Господи! Как летит время! Жуткое было дело. Ее прислали живую, и никто из нас, кроме тебя, ничего не мог сделать. Она принадлежала к первому поколению или ко второму?

– Второму, – ответил бог, – самое начало второго. Мы экспериментировали с Шестой установкой. Некоторые Дома были еще пусты.

– Нет, – вмешалась Мерсиморн, – установка уже работала, потому что Валанси и Анастасия уже были с нами.

Император щелкнул пальцами, как будто она запустила какую-то вспышку нейронов.

– Да, ты права. Мы все ее тогда встретили. Все шестнадцать... и она вела себя так, как будто ее на свадьбе приветствовала целая куча нудных кузенов. Я с трудом держал лицо. Когда вы видели ее в последний раз?

Вопрос прозвучал внезапно. Оба ликтора замолкли на мгновение, а потом тот, кого называли Августин, ответил:

– Недавно. Десять лет назад. Я сказал, что она становится отшельницей, и она повела себя так, будто я полный идиот... но она была в добром расположении духа.

– Цитера очень хорошо умела создавать нужное впечатление, – сказала Мерсиморн.

– Тебе виднее, – рассеянно ответил Августин.

Этот диалог не успел развиваться, потому что император надавил:

– А ты, Мерси?

Ты снова услышала скрежетание зубов. Потом святая радости сказала бесцветным голосом:

– Почти двадцать лет назад. Она слишком много смеялась.

Все трое замолчали, стоя на коленях у алтаря. Лежавшее перед ними тело уже не могло засмеяться. Августин спросил:

– А кто-нибудь помнит ее имя? Настоящее имя Дома? Оно вообще существовало?

– Гептан? – предположил император, но Августин не согласился.

– Нет, это Лавдей. Мы забыли! Очень странно. Кто вообще мог подумать, что такое можно забыть?

Мерсиморн встала. Заправила волосы за уши, открыв обманчиво безмятежное овальное лицо, и обошла алтарь. Завела руки за спину, будто боялась до чего-нибудь дотронуться. Посмотрела в мертвое лицо Цитеры с напряжением, которое по-своему было хуже нежности. Как будто она хотела чего-то от трупа, как будто могла добиться чего-то одной силой желания.

– Зовите ее Цитерой Гептан. Она хотела, чтобы ее так называли. Тогда это казалось мне невыносимым и мерзким, и сейчас мне это кажется невыносимым и мерзким, но она так говорила... Я только один раз видела, как она плакала, – добавила Мерси торопливо, – на следующий день. Когда мы объединили все наши исследования. Когда она стала ликтором. Я сказала, что альтернативы не будет, а она сказала...

Тут она осеклась. К счастью, она не посмотрела в твою сторону. Августин смотрел в пол, скромно скрестив руки, как будто пытался выразить уважение, а император смотрел на Мерси. Ты видела только его затылок и перламутровые листики вперемешку с детскими пальцами в волосах. Свечи бездумно освещали всех.

– И что же она сказала? – спросил он.

Ликтор какое-то время молчала. Потом кашлянула и ответила:

– Она сказала, что у нас был выбор. Что мы могли остановиться.

Князь Неумирающий спрятал лицо в ладони. Стилус выпал из его кармана и покатился по полированным черно-костяным плиткам. Впервые он походил на смертного. Человеческая сущность показалась – и исчезла, как будто пробежала тень.

Августин вдруг заметил невпопад:

– Чего же тут мерзкого? Я бы сказал, что ей повезло. «Ци-те-ра Лав-дей», очень легко произнести. В моем имени возникла бы аллитерация, которой я бы не вынес.

– Я бы так сказала, – продолжила Мерси, как будто Августин не произнес ни слова, – я никогда не плакала по Лавдей Гептан. В своей жизни она совершила один хороший поступок, и она это знала.

– И все же скажи про нее хорошо, – велел император, не отнимая рук от лица, – ради бога. Про них обеих.

Августин протянул руку и сжал плечо человека, который стал богом, и бога, который стал человеком, но все еще взывал к самому себе. Потом ликтор поднялся с криком, как будто ему больно, и подошел к изножью алтаря. Теперь ты разглядела, что он был высок и не особенно внушителен, но в линиях его лица было что-то, далекое от реальности. Как будто однажды он смотрел на нечто ужасное, и оно навсегда запечатлелось на его щеках и лбу. Он откинул в сторону полу радужного плаща и заткнул большие пальцы за ремень элегантных брюк. Белый плащ красивыми складками лег на плечи.

– Цитера была великолепна, – просто сказал он. – За десять тысяч лет я не слышал от нее дурного слова, разве что в шутку. Она любила нас беззаветно. Всех нас. Это говорит одновременно о ее терпении и о ее огромном сердце. Она была достойным ликтором и любимой дланью. И если Лавдей даровала ее нам, то господь благословит Лавдей.

Мерсиморн опустила руку на алтарь, рядом с маленькими тугими розами. Ей пришлось сильно напрячься. Голос ее звучал странно:

– Она бывала жуткой маленькой дурочкой. Но обычно она была очень милой маленькой дурочкой, и она не заслужила такой смерти.

Она медленно перевела взгляд, в котором бушевал сонный ураган, на скамьи, то есть на вас с Иантой, и дернулась.

– Дети проснулись.

Принц Милосердный вывернул шею и увидел, что вы, дети, действительно проснулись. Он встал – вот он, ужас из ужасов – и двинулся к вам по проходу. Он смотрел на вас обеих, будто рад был вас видеть, как будто рад был видеть даже Ианту. Дикие первобытные глаза с белым кольцом вокруг радужки будто бы смягчились. Он протянул вам руки. Ты не могла ему отказать, у тебя не было такой возможности, твое тело отреагировало задолго до твоего разума. Плоть твоей плоти принадлежала богу. Держа твою руку в шуйце, а руку Ианты в деснице – Ианта протянула ему левую руку, а не бесполезную правую, он сказал:

– Добро пожаловать домой. Подходите ближе. Мы прощаемся... мы привыкли прощаться.

Он подвел вас с Иантой к алтарю, как на заклинание. Вы опустились на колени на черно-бежевые плитки, где раньше стояли другие ликторы. Мерсиморн не удостоила вас взглядом, а вот странный ликтор, которого звали Августин, поглядел на вас. Повесив внушительный нос, он спросил:

– И кто из девочек ее прикончил?

– Это не имеет значения! – резко ответил император.

– Я не ставлю это им в вину, это невозможно. Поверьте, если уж она сделала выбор, ее бы никто не остановил. Ненавижу гадать... обе! Как забавен этот старый мир, – одобрительно заметил он.

Ликтор отошел от засыпанного цветами тела Цитеры и присел в трансепте рядом с Иантой.

– Меня зовут Августин из Первого дома, святой терпения, ликтор Великого Воскрешения, первый палец на руке, служащей Царю Неумирающему. За все свои грехи я буду вашим старшим братом. А вы кто такие, мои голубки?

– Я Ианта Тридентариус, принцесса Иды, – безжизненно ответила Ианта, и ты подхватила так же машинально:

– Я Харрохак Нонагесимус, Преподобная дочь.

Августин засмеялся тихим изящным смехом, не имеющим никакого отношения к веселью. Пожал вам обеим руки – это сбило тебя с толку, поскольку ты всегда считала рукопожатие недостойным. Сказал:

– Больше нет. Твой покорный слуга, Ианта из Первого дома – ты же вознеслась первой, да? Тогда ты восьмая святая. Твой покорный слуга, Харрохак из Первого дома, девятая святая. Глядя на тебя, я понимаю, что это правильно. Ты верна Дому и только Дому. У вас за спиной ваша старшая сестра.

– Мы встречались, – нетерпеливо сказала Мерси, – нам обязательно заниматься этим прямо сейчас?

– Полагаю, она не удосужилась представиться, так что это сделаю я. Мерсиморн из Первого дома, святая радости. Можете в это поверить? Она – ликтор Великого Воскрешения, второй палец на двух руках, сложенных в молении Принцу Милосердному. И она ваша единственная сестра – вторая лежит тут же, но, увы, она абсолютно мертва. А я – последний из ваших братьев, кроме...

Он осекся, как будто ожидая, что бог закончит его фразу, но тот промолчал. Тогда Августин закончил сам:

– Учитель, как думаешь, он знает о ракетных ударах?

– Он никогда особенно не интересовался сегодняшним днем, – сказал император.

– Но он интересуется сам знаешь чем, и я просто думал, что если он услышит и сложит два и два...

– У него есть задание, – отрезал бог. – Он святой долга, и это имя ему подходит.

– Ну да, – согласился Августин. – Не то что святые радости и терпения. Ты прав. Просто, когда я вернулся и его не увидел... как-то я занервничал, честно говоря. Не могу избавиться от ощущения, что что-то не так.

– Мы не могли бы все-таки заняться похоронами? – спросила Мерси. – Пережить шесть похорон хуже, чем умереть самой. Кстати, план моих похорон лежит в верхнем ящике моего стола, и я расписала его поминутно. Они займут всего двадцать четыре минуты, и это лучше всего.

– Могу себе представить, – нервно сказал ее брат-ликтор.

Этот мучительный разговор прекратился, когда двери в задней части часовни распахнулись. Живые поспешно обернулись туда. Вошла следующая ужасная глава твоей жизни.

Вошел. Мужчина. Пропавший ликтор – такой же непроницаемый для тебя, как все собравшиеся, хуже замороженного трупа Цитеры из Первого дома. В отличие от прочих ликторов, по-некромантски вялых и тощих, он состоял из одних мышц. Мускулов и костей. Он походил на ходячее сплетение жил. Вид у него был напряженный, как будто какой-то идиот поднимал скелета и обернул кости мышечными волокнами, чтобы они могли двигаться. В его

теле не было ни капли жира, под кожей выделялись напряженные мышцы, и единственным изгибом был провал под ребрами.

Лицо императора прояснилось.

– Как раз вовремя, – сказал он с нескрываемым облегчением.

Мантия ликтора не окутывала тело вновь прибывшего, а свисала с плеч. Она была потрепана, изорвана по подолу и не слишком чиста. Он прошел по центральному проходу так быстро, что ты не разглядела его глаз. Успела заметить только бурое лицо, кожа которого слишком плотно облепляла череп, грубые полустертые черты и напряженную височную мышцу. Череп был неровный, шишковатый, плохо выбритый. Короткая щетина отблескивала тусклой ржавчиной, будто на голове лежала кровавая тень.

Император встал и раскинул руки для объятия. Мускулистый человек коротко обнял его в ответ – бог успел положить руку ему на спину, а сам он облапил бога за плечи. Потом он высвободился и устремил взгляд на тело, лежавшее между Мерси и Августинном.

– Она мертва? – спросил он. Когда император кивнул, он на мгновение закрыл глаза. Потом открыл их и глухо сказал:

– Ну вот. Седьмой номер близко.

При этом заявлении Августин вдруг тяжело оперся на алтарь, как будто мог упасть. Как пьяный. Губы Мерси побелели, как снег. Они превратились в олицетворение трагедии, в литографию, сделанную за мгновение до того, как кровь окатит всю сцену, как участники начнут рвать на себе волосы.

Император обратил свои жуткие глаза на незнакомца. Они походили на мертвые планеты в глубинах космоса, а белые кольца в них – на самую смерть. Он больше не был человеком. Он снова стал бессмертным.

– Он не может двигаться так быстро, – сказал он, – и никогда не мог. Ты видел Вестника или псевдозверя. Давайте не будем пугать детей. Приходите в мои покои – втроем, там все и обсудим.

Новоприбывший не двинулся.

– Седьмой номер, – сказал он. – Бежать или сражаться?

– Но мы рассчитали, что это будут пять лет. Всего год тому назад, – сказала Мерси.

– Он нас догнал. Разум уже в Реке. Если мы нырнем, мы наткнемся на него, куда бы мы ни направились. Тело будет здесь всего через десять месяцев. И Вестники. Очень много Вестников. Бежать или сражаться?

– Надо подумать...

– Некогда думать. – Незнакомец перебил Августина. – Бежать? Вдвоем берем императора и направляемся к ближайшей стеле. Один остается его отвлекать, а потом уводит. Или сражаться. Будем стоять до конца. Джон, я служу тебе. Скажи мне остаться и умереть, и я останусь.

Ты уже слышала это имя в шаттле, но тогда не обратила на него внимания. В какой-то омерзительный момент ты осознала, что, говоря «Джон», он обращается к Князю Воскрешающему. Что бог откликается на такое банальное короткое имя. И что он смотрит на свитого из жил человека с отчаянием, какого ты раньше в нем не замечала.

– Мы будем сражаться, – сказал он, – мы сделали этот выбор много лет назад. Найти новых сторонников и сражаться. Пять лет, десять месяцев... конец все равно один.

– Остаемся? – спросил незнакомец.

– Да, остаемся, – ответил бог и добавил тихо: – Спасибо, что вернулся домой, Ортус из Первого дома.

Что-то скапливалось у тебя в ушах, и теперь вдруг потекло тяжелыми горячими каплями наружу. Ты коснулась уха, и пальцы стали мокрыми. Это была кровь. Ианта смотрела на тебя сквозь бесцветную челку, ее побелевшие губы плотно сжались. Ты молча сложила пополам

и довольно сильно ударилась головой о плитку. Потеряла сознание. Учитывая обстоятельства, заметили это не скоро.

10

В гневе был Нониус, громом гремел его голос.
Черное море ревело над воротами гробницы Алгола,
Пылали глаза его светом, исходящим от трупных костров.
Рекон...

– Стоп, – сказала Харрохак сзади.

Это не слишком понравилось публике. Обшитая стальными панелями двухэтажная библиотека дома Ханаанского была, кажется, одним из самых странных помещений здесь. Она единственная в верхней части здания походила просто на рабочее пространство. Как будто ты входил в современную комнату, чтобы найти в ней древний артефакт. На обшитом панелями полу валялись старые потертые коврики, по стенам стояли металлические полки. Когда Ортус декламировал, его голос звенел, как Второй колокол, только еще противнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.